

18+

Проспер де Барант

**История
герцогов
Бургундских
из дома
Валуа —
1364—1477**

Том 4

Проспер де Барант

**История герцогов Бургундских
из дома Валуа — 1364—1477. Том 4**

«Издательские решения»

Барант П.

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477.

Том 4 / П. Барант — «Издательские решения»,

В четвертом томе истории герцогов Бургундских описывается правление Иоанна Бесстрашного (1404–1419): осада Буржа, борьба с арманьяками, парижские мятежи кабошьенов, битва при Азенкуре, захват Парижа бургиньонами и вероломное убийство герцога на мосту в Монтеро, приведшее к окончательному разорению Франции и победам англичан.

© Барант П.

© Издательские решения

Содержание

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477	6
Том четвертый. — Иоанн бесстрашный	7
Книга третья	7
Конец ознакомительного фрагмента.	40

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477 Том 4

Проспер де Барант

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Проспер де Барант, 2026

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0070-8467-3 (т. 4)

ISBN 978-5-0069-9593-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477

Том четвертый. — Иоанн бесстрашный

Книга третья

Осада Буржа. — Осерский мир. — Господство фракции мясников. — Возобновление военных действий. — Мир в Понтуазе. — Герцог Бургундский покидает Париж. — Он не может туда вернуться. — Король выступает против него. — Аррасский мир. — Англичане высаживаются во Франции. — Переговоры с герцогом Бургундским. — Взятие Арфлёра.

КОРОЛЬ выехал из Венсена 6 мая вместе с герцогом Бургундским, герцогом Гьеннским и многочисленной и блестящей армией. При его отъезде депутаты города и университета явились к нему и умоляли его, если он заключит какой-либо договор с принцами, прямо включить их в него и гарантировать им защиту от ненависти, которую они навлекли на себя, поддерживая партию короля. Он официально удовлетворил их просьбу.

Король проследовал через Мелен, Монтеро и Сан. Он был вынужден провести несколько дней в этом городе, потому что получил там сильный удар копытом лошади в ногу; но, не дожидаясь полного выздоровления, он возобновил путь вопреки совету благоразумных людей; он хотел показать себя, как он говорил, радеющим о своей должности капитана армии и заслужить добрую славу воина. Герцог Бургундский также способствовал ускорению марша короля; он настолько ускорил отъезд, что, хотя был день Пятидесятницы, король прослушал только низкую мессу. Это было весьма осуждено и показалось совершенно противоречащим древним обычаям французских королей.

Была веская причина не терять ни дня. Соглашение принцев с англичанами могло быть заключено [1], и тогда война стала бы гораздо более трудной. Вскоре действительно узнали, что коннетабль д'Альбре, посол герцога Беррийского и герцога Орлеанского, подписал 8 мая договор, проект которого уже был известен. Король Англии не колебался между двумя партиями: герцог Бургундский не обещал ему ничего определенного; он даже еще не обязался выдать свою дочь за принца Уэльского. Мы видели, напротив, какие предложения сделали ему арманьяки. Король Генрих уже тогда начал испытывать некоторые угрызения совести относительно союза с убийцей покойного герцога Орлеанского. Он поразмыслил, что его долг — помочь сеньорам, которые признавали себя его вассалами; из чести и выгоды он принял эти выгодные условия [2]. Герцог Бургундский узнал также, что его добрые города во Фландрии получили от короля Англии письмо следующего содержания:

«Генрих, милостью Божией король Англии и Франции, повелитель Ирландии, почтенным и мудрым сеньорам, бюргерам, эшевенам и попечителям городов Гента, Брюгге и других, нашим дражайшим и особливым друзьям. Дражайшие и достопочтенные сеньоры, до нас дошло сведение, как под именем нашего противника Франции, герцог Бургундский, граф Фландрский, направляет свой путь в нашу страну Аквитанию, дабы разорить её, равно как и наших подданных, и особенно наших дражайших и возлюбленных кузенов, герцогов Беррийского, Орлеанского и Бурбонского; графов Ангулемского и Арманьяка и сеньора д'Альбре.

Посему, если ваш сеньор упорствует в своем завистливом и дурном намерении, соблаговолите известить нас вашими письмами, и как можно скорее, желают ли люди страны Фландрской соблюдать за свой счет перемирия, недавно заключенные между нами, не оказывая содействия дурному намерению наших сеньоров против нас. И если вы, дражайшие друзья и почитаемые сеньоры, и коммуны Фландрии, желаете их соблюдать, мы намерены и предлагаем сделать то же с нашей стороны. Дражайшие и почитаемые друзья, да хранит вас Святой Дух. Дано в Вестминстере 13 мая 1413 года.»

Добрые города ответили, что герцог Бургундский и граф Фландрский может по своей воле помогать королю, своему верховному сеньору, но что они желают соблюдать перемирие.

Таким образом, ничего не было более важным, чем завершить начатое предприятие до прибытия англичан. Граф де Сен-Поль был послан на границы Пикардии, чтобы противостоять действиям людей Кале; король Сицилии — в Перш, чтобы захватить владения графа Алансонского. Маршал де Луаньи с парижанами направился к городу Дрё, который был главным убежищем арманьяков и складом их добычи. Остальная армия двигалась с королем.

Сначала он захватил Фонтене и Ден-ле-Руа, две крепости в Берри, которые оборонялись недолго; затем он отправился лагерем к Буржу, где укрылись герцог Беррийский, герцог Бурбонский, сир д'Альбре, граф Осерский, архиепископ Санский, епископ Парижский, архиепископ Буржский и множество сеньоров из партии арманьяков.

Среди советников, окружавших короля, многие огорчались, видя, что герцог Бургундский столь живо ведет эту войну и не пытается в очередной раз предотвратить ее путем соглашения. Сам король испытывал некоторую печаль, идя сражаться против своего старого дяди Беррийского, наставника и опекуна своей юности. Уже по его просьбе он пощадил гарнизон Ден-ле-Руа, несмотря на крики бургундцев, желавших напасть на людей с белой перевязью[3]. Начали с того, что послали требовать сдачи города Буржа. Герцог Беррийский ответил, что он родственник и слуга короля, готовый открыть ворота ему и монсеньору герцогу Гьеннскому, но что в их компании есть люди, которым там не место; что поэтому он будет защищать свой город для короля наилучшим образом.

Тогда решили приступить к осаде. Давно уже не представлялось столь торжественного случая; король посвятил в рыцари более пятисот человек; многие тотчас же подняли свои знамена. Атака началась 11 июня. Город был велик; две небольшие реки, сливавшиеся в нем, образовывали обширные болота. Потребовалась бы гораздо более многочисленная армия, чтобы окружить его. Решили взять штурмом одни из ворот. Для осады Ден-ле-Руа была изготовлена большая машина, называемая «грьет», которая с помощью пороха метала огромные камни. Требовалось двадцать человек, чтобы управлять ею; она производила большие разрушения среди осажденных и действовала с такой силой и шумом, что была небезопасна и для тех, кто ее обслуживал.

Обе армии были крайне озлоблены. Со стен и из лагеря выкрикивали друг другу оскорбления[4]. Осажденные называли своих противников предателями и дурными бургундцами. Они упрекали их в том, что те держат в плену в его собственной палатке короля, который не был в здравом уме ни в мыслях, ни в речах. Они называли герцога Бургундского бесчестным убийцей и говорили, что без него они открыли бы ворота королю. Их клич был: «Да здравствует король, герцог Беррийский и герцог Орлеанский!» Герцог Бургундский часто слышал эти речи и молчал, твердо намереваясь отомстить. Осаждающие называли других мятежни-

ками против короля, их верховного сеньора, и осыпали их всеми бранными словами, какими обычно честили арманьяков.

Однако удивлялись, что столь сильный гарнизон, который не был полностью заперт, не предпринимает никаких вылазок. Два дня спустя по лагерю распространился слух, что только что заключено перемирие для переговоров о мире. Тогда все разоружились и вернулись в свои палатки, чтобы укрыться от жары, которая в тот день была сильной[5]. Около трех часов пополудни два пажа сира де Крои, ведя своих лошадей на водопой, увидели вражеский отряд, пробиравшийся через виноградники, чтобы внезапно напасть на лагерь. Тревога была поднята немедленно, все бросились к оружию. Новоиспеченные рыцари ухватились за этот случай, чтобы отличиться. Осаждавшие были жестко отброшены и потеряли многих из своих. Среди пленных оказался слуга сира д'Альбре, который раскрыл заговор, скрывавшийся за этим предприятием. Принцы имели многочисленных осведомителей в лагере. Мессир Робер де Буассе, первый обер-гофмейстер короля, магистр Жоффруа де Виллон, секретарь герцога Аквитанского, Жиль де Суази и Ангерран де Сёр, оруженосцы, сообщали им всё, что происходило в армии и в совете. Именно они распустили слух о перемирии. Люди, вышедшие из города, должны были получить поддержку отряда пехотинцев; те, через другие ворота, должны были предпринять вторую атаку. Таким способом надеялись поджечь «грьет»; всё было даже готово для похищения короля и герцога Гьеннского; это была главная надежда.

Первый обер-гофмейстер и его сообщники признались в том, в чем их обвиняли, и были обезглавлены. Герцог Бургундский удвоил меры предосторожности и подозрительность.

Осада затягивалась; продовольствие и фураж заканчивались. Их приходилось доставлять издалека. Край был беден; именно из Ниверне и города Ла-Шарите приходилось доставлять обозы. Хотя сир де Элли и сир де Рамбюр отвечали за их сопровождение, гарнизон постоянно их беспокоил, а иногда и захватывал врасплох; гарнизон продолжал действовать в открытом поле. Также в Сансерре находился отряд арманьяков, который вел ожесточенную войну против фуражиров королевской армии; но великий магистр королевского двора мессир Гишар Дофин сумел переманить своего кузена, командовавшего крепостью Сансерр, и тот сдал ее.

Болезни уже начинали опустошать армию. Болота Буржа были очень нездоровы. Говорили, что арманьяки отравили все колодцы. Нехватка ощущалась с каждым днем все сильнее. Напрасно торговцам обещали хорошую и надежную охрану[6]. Поскольку им плохо платили, они не стремились приезжать.

Тогда герцог Бургундский решил перенести атаку на другой берег реки, где местность была менее разорена. Одновременно он послал прево в Париж за деньгами.

С момента отъезда короля весь город, казалось, был занят лишь молитвами о восстановлении мира, или об успешном исходе королевского оружия, и о сохранении его здоровья. Каждое воскресенье устраивались великолепные процессии, во время которых несли мощи святых, где духовенство и епископы, бывшие тогда в Париже, шествовали с величайшей пышностью, сопровождаемые сорока или пятьюдесятью тысячами горожан, университетом, Парламентом, всеми школярами, босыми и с зажженными свечами в руках. Никогда не видели такого благочестия и столь печальных процессий. Каждый постился и умерщвлял плоть, чтобы вымолить у небес конец стольких бедствий; Франция вот уже два года была разоряема, предаваема огню и мечу[7].

Тем временем парижское ополчение совершало походы, преследуя арманьяков, которые еще удерживали некоторые места в Босе. Оттуда они под началом маршала де Луаньи отправились атаковать Дрё. Место было сильное, и осажденные много насмехались над толстыми парижскими бюргерами. Ополчение проявило такую энергию и мужество, что вскоре пробило брешь, доступную для штурма, и взяло город приступом; он был жестоко разграблен. Остатки гарнизона укрылись в замке, который продолжал обороняться. Поскольку не могло быть, чтобы его взяли так легко, а осада затягивалась, парижане из ополчения начали говорить, что их предали, и что назначенные им командиры получают деньги от арманьяков. Им, однако, внушили, что маршал де Луаньи — один из хороших; они не знали, кому доверять, и уверяли в своем гневе, что им хотят помешать очистить королевство от всех этих предателей и дворян, которые ненавидят их так сильно, потому что они сражаются не хуже их[8].

Прево удалось собрать деньги для осады Буржа не без труда. Арманьяки, предупрежденные о прибытии конвоя, предприняли попытку его захватить. Но сир де Элли и пикардийские люди с оружием пришли на помощь и отбили людей из гарнизона.

Осада не продвигалась. За нехваткой последовала эпидемия. Она опустошала королевскую армию. Уже около восьми тысяч человек[9] погибли. Сир Жиль Бретонский, второй брат герцога, граф де Мортань, брат короля Наваррского, сир Эме де Вири, сир де Гистель, многие другие знаменитые рыцари были смертельно больны. Засуха была необычайной. Испарения болот, заражение от трупов распространяли повсюду заразу. Уныние начало охватывать осаждающих. Люди доброй воли, которые всегда трудились ради мира, воспользовались таким настроением умов; они преуспели прежде всего у герцога Гьеннского. Это был молодой принц без энергии и активности, тяжелый телом и характером, который проявлял вкус только к своим удобствам и удовольствиям; он любил пышность во всем, но не желал утруждать себя[10]. Он начал с того, что выказал недовольство всеми бедствиями, которые причиняли провинции Берри, которая после смерти его дяди должна была перейти в его апанаж. Вскоре он приказал прекратить разрушать машинами и пушками его прекрасный город Бурж. Герцог Бургундский, видя, что осаду перестали вести активно, заговорил об этом со своим зятем; он вскоре заметил по его ответу, что больше не владеет его умом, и что герцог Гьеннский теперь слушает других советников. В самом деле, после нескольких слов этот принц заявил, что война должна непременно закончиться. Герцог Бургундский умолял его, по крайней мере, чтобы это было на условиях, согласованных в совете, и чтобы от мятежников требовали полного подчинения. «Война слишком затянулась, — возразил дофин, — она ведется в ущерб королевству, королю, моему отцу, и мне самому. Мы ведем ее против моего дяди, моих кузенов, моих ближайших родственников, которые могли бы окружать меня и служить мне в большом числе. Однако я хочу, чтобы они вернулись в повиновение королю».

Герцог Бургундский ответил смиренно. Он понял, что решение принято; к тому же пришло известие, что англичане высадились; город не мог быть взят силой, ни война закончена до их прибытия. Начали переговоры; маршал Савойский, которого его господин специально послал советовать королю мир, и сир Филибер де Найяк, великий магистр Родоса, взялись пойти к герцогу Беррийскому[11]. Сначала тот держался довольно надменно. Архиепископ Буржский от его имени произнес речь перед королем в присутствии всех принцев и его совета; там, в очень красивой речи, он засвидетельствовал от имени герцога Беррийского и его союзников великое почтение к королю, явное уважение к присутствовавшим принцам, не произнес имени герцога Бургундского и много настаивал на дурных советах и внушениях предателей и вероломных. Он просил свершить над ними правосудие и утверждал, что герцог Беррийский ни намеренно, ни фактически не оскорблял короля.

Сеньоры, которые извлекли выгоду из имущества арманьяков, не преминули ухватиться за резкость этого ответа, чтобы разжечь и подогреть раздор; но герцог Гьеннский остался глух к их советам; он часто повторял: «Высшее благо государства состоит в примирении королевского дома, и я желаю этого со страстной горячностью».

Великому магистру Родоса, который был урожденным вассалом герцога Беррийского и был им очень любим, удалось наконец смягчить его. К тому же герцог Беррийский не знал больше, как платить своим людям. Он продал или заложил свою серебряную утварь и драгоценности. Он велел чеканить монету с королевским изображением, но меньшей стоимости. Гарнизон испытывал нехватку продовольствия; город был разрушен камнями, которые метали осаждающие. Сам он был вынужден много раз менять жилье, потому что машины наводили на дом, как только он в него вселялся.

Поэтому он согласился на встречу с герцогом Бургундским. Место было условлено. Возвели барьер; с каждой стороны на некотором расстоянии поставили вооруженных людей, ибо никто не слишком доверял своему врагу. Затем оба принца приблизились в сопровождении своих советников, чтобы прибегнуть к ним, когда дойдут до обсуждения статей договора. Оба были облачены в доспехи. Герцог Беррийский, которому было более семидесяти лет, имел благородный и величественный вид, на нем был стальной шлем с поднятым забралом, украшенным драгоценными камнями; пурпурный жакет покрывал его доспехи; на нем была белая перевязь, отороченная маргаритками; кинжал у пояса, боевой топор в руке.

Едва они взглянули друг на друга, как, тронутые воспоминанием о дружбе, которая была гораздо древнее и длилась дольше, чем их ссоры, они протянули друг другу руки, затем обнялись и остались на мгновение так, прижавшись друг к другу. Герцог Беррийский нарушил молчание: «Племянник, — сказал он, — я поступил дурно, а вы — еще хуже. Нам следует постараться, чтобы королевство оставалось мирным и счастливым. — За мной дело не станет, дядюшка, — ответил герцог Иоанн». Все окружающие были растроганы до слез. Начали обсуждать статьи. После двухчасового совещания оба принца расстались, выказывая друг другу большую дружбу. Только герцог Беррийский сказал ему с некоторой долей обиды: «Ах, мой дорогой племянник и крестник, когда ваш отец был жив, между нами не нужно было барьера; мы с ним были вполне согласны. — Монсеньор, это не я, — ответил герцог Бургундский».

Возникло еще много трудностей. Обе партии были раздражены друг против друга как никогда. Арманьяки не могли признать себя побежденными и никоим образом не считали, что нуждаются в прощении. Наконец, воля герцога Гьеннского возобладала над всеми усилиями бургундцев. Было постановлено, что герцог Беррийский передаст королю и герцогу Гьеннскому ключи от Буржа и любого другого города, куда они пожелают войти со своими войсками, извиняясь за то, что прежде отказывал им во входе; что герцог и сеньоры откажутся от всякого союза с англичанами и врагами королевства; что они откажутся также от всякой конфедерации, образованной против герцога Бургундского, который, со своей стороны, откажется от тех, которые он мог создать против них; что они обещают помощь, службу и послушание королю против его противника Англии, как их к тому обязывают право и разум; что они исполняют статьи Шартрского мира и принесут клятву соблюдать их вновь; что герцог Бургундский и другие принцы, находящиеся при короле, обязуются употребить свое доброе посредничество для возвращения конфискованного имущества; наконец, что ни с той, ни с другой стороны не будет сохраняться никакой ненависти, ни злопамятства против кого бы то ни было, какого бы ранга или звания он ни был.

После согласования этих условий было решено отправить их герцогу Беррийскому и что король будет ждать его ответа во главе своей армии, выстроенной в боевой порядок, с развернутой орифламмой, чтобы, если потребуется, силой добиться повиновения своей власти.

Столь прискорбная крайность не потребовалась; герцог Беррийский со свитой из пятисот рыцарей принес ключи от города королю, который принял его с нежностью. Когда он обнимал своего внучатого племянника герцога Гьеннского, на глаза его навернулись слезы; он безоговорочно принес клятву соблюдать условия договора и обязался как от имени герцога Орлеанского, так и от своего собственного. Все добрые люди в армии радовались этому счастливому примирению. Мир был торжественно провозглашен в городе и в лагере. Было запрещено отныне употреблять слова «арманьяки» и «бургундцы», равно как и любые другие оскорбления, бывшие в ходу между двумя партиями. Однако герцог Беррийский и его сторонники продолжали носить свои белые перевязи, что сильно раздражало слуг герцога Иоанна; они называли это упрямство оскорблением величества короля.

В это время в лагерь прибыли король Сицилии и граф де Пентьевр; сначала они успешно воевали против графа Алансонского и захватили почти все его владения; но англичане под командованием герцога Кларенса, сына короля Англии, только что высадились в Ла-Хог и были сильнее; они уже опустошали всю страну. Было необходимо срочно отправить их обратно. Чтобы уладить дела мира и заставить герцога Орлеанского принести клятву, король назначил город Осер; было условлено, что все принцы соберутся там.

Они действительно туда прибыли. Король заболел и не мог появляться на публике. Но герцог Гьеннский пожелал придать этой церемонии всю возможную торжественность. Депутации Парламента, Счетной палаты, университета, эшевенгов и городской буржуазии Парижа, прево города, купеческий прево, депутаты добрых городов были приглашены. На дворе аббатства Сен-Жермен д'Осер был воздвигнут большой помост. Огромная толпа теснилась; благородные люди с оружием были подготовлены коннетаблем для поддержания порядка и недопущения народа вперед. Это занятие им весьма не нравилось, и коннетабль был вынужден выйти из себя и даже ударить некоторых, чтобы заставить их повиноваться[12].

Герцог Гьеннский поместился рядом с креслом, оставленным вакантным для короля. Справа от него были герцоги Беррийский и Бургундский. Герцог Орлеанский заставил себя немного подождать. Наконец, он прибыл со своим братом графом де Верту. Свита их была многочисленна, возможно, более блестяща, чем у короля; но сами они были в траурном одеянии; все встали при их прибытии. Герцог Бурбонский вышел им навстречу, подвел их к герцогу Гьеннскому, который обнял их и оказал им великий прием; затем он сделал знак герцогу Орлеанскому сесть между герцогом Бургундским и герцогом Бурбонским. Герольды приказали соблюдать тишину, и канцлер Франции объявил, что принцы собраны по приказу короля для принесения клятвы соблюдать статьи мира, секретарь громко зачитал их; затем герцог Гьеннский велел принести святыне Евангелия, частицу древа Истинного Креста и другие реликвии. Принцы, вызываемые один за другим, возложили на них руки и принесли клятву. Когда они вернулись на свои места, канцлер Гьеннский сказал: «Король повелевает всем присутствующим здесь клирикам засвидетельствовать, положив руку на совесть, верой и священническим словом, что они принимают и одобряют прочитанное». После этого канцлер снова взял слово: «Король приказывает всем дворянам и не-дворянам, здесь собравшимся, поднять руку к небу и принести ту же клятву». Она была произнесена от всего сердца. Толпа была вне себя от радости; у всех на глазах выступили слезы, и видели конец всех бедствий королевства. Это прими-

рение принцев, казавшееся столь полным и искренним, приписывали некоему чуду Провидения[13].

В самом деле, принцы давали друг другу публичные свидетельства привязанности и близости; они обедали все вместе, присутствовали на церемониях и празднествах; видели даже, как герцог Бургундский и герцог Орлеанский, в знак братской интимности, прогуливались вдвоем на одной лошади. Народ и добрые люди издавали от этого крики ликования и пели *Gloria in excelsis*. Злые языки же и те, кто умел лучше видеть, напротив, немало над этим смеялись[14].

Возобновляя Шартрский договор, герцог Бургундский снова обязался выдать одну из своих дочерей замуж за графа де Верту; он обручил другую, мадемуазель Агнесу, тогда пяти лет, со старшим сыном герцога Бурбонского.

Эпидемия, опустошив армию под Буржем, распространилась на города, через которые она прошла; в Осере свирепствовали губительные болезни; сир Бретонский, граф де Мортань только что скончались там. Принцы увезли короля в его замок Мелен и провели еще несколько дней в этом городе, чтобы обсудить дела королевства. Было постановлено, что все конфискации будут возвращены, но никакой компенсации за движимое имущество, разрушенные замки, уничтоженные города, украденные вещи или деньги, вырубленные виноградники, сведенные леса предоставляться не будет. Также постановили, что епископы будут восстановлены на своих кафедрах; но должности и службы были сохранены за теми, кто только что был ими наделен[15]. Сир д'Альбре, который уже имел ссору с графом де Сен-Полем из-за достоинства коннетабля, счел себя весьма оскорбленным этой статьей и удалился. Тем не менее единство между принцами казалось все таким же большим. Герцог Бургундский и герцог Бурбонский заключили между собой союз; несколько дней спустя к нему присоединились также герцог Орлеанский и граф де Верту. Они обещали друг другу от всего сердца приязнь и добрую волю; они поклялись любить друг друга и трудиться всеми возможными способами ради преуспевания, чести, блага и выгоды друг друга; гарантировать друг другу защиту от всех зол и неприятностей. Они условились, что, если какой-либо неблагоприятный донос будет сделан одним против другого, они как можно скорее лояльно в этом разберутся и назовут доносчика, чтобы свершить правосудие и отмщение, если будет основание. Они изгоняли из своего сердца всякую ненависть и злопамятство против вассалов друг друга и прощали им обиды. Наконец, они заставили принести клятву в соблюдении этого же союза своих канцлеров, специально поручив им следить за поддержанием мира между ними[16].

В Мелене завязалась новая и довольно искренняя дружба между герцогом Гьеннским и его кузеном герцогом Орлеанским. В самом деле, не было принца более любезного, более совершенного. Напротив, герцог Иоанн, до тех пор обладавший полным доверием дофина, был властным и полным грубости. Герцог Орлеанский поместил при этом дворе двух своих самых преданных слуг, Жака де Ла Ривьера и другого дворянина из окрестностей Дрё, простого оруженосца, которого звали Пти-Мениль[17]. Герцог Гьеннский также приблизил к своей особе и вернул к должности камергера сира де Монтегю, возвратив ему всё его конфискованное имущество[18]. В то же время он открыто заявил, что осуждение, вынесенное против великого магистра, всегда было ему крайне неприятно, что это был приговор, вынесенный в ненадлежащей форме, слишком поспешный и имевший мотивом ненависть и абсолютную волю более, чем справедливость и разум. Прево Парижа было приказано торжественно отправиться за телом Монтегю на виселицу Монфокон и за его головой, которую всё еще можно было видеть выставленной на рынке на пике. Его останки были погребены в церкви целестин-

цев, которую он воздвиг в Маркусси. Позже две его дочери, овдовев, вышли замуж за двух принцев из дома Бурбонов[19].

Но вскоре герцог Орлеанский был вынужден удалиться; англичане, которых он призвал во Францию, требовали своей платы. Они прошли через Нормандию и Мэн, производя там тысячи опустошений, и теперь собирались вступить в Орлеанское герцогство; в то же время другая английская армия входила через Кале и графство Булонь. Решили противопоставить им силу. Приказы были разосланы людям с оружием Франции собраться в Мелене, людям с оружием Бургундии — быть в Монтеро. Оттуда предполагалось двигаться через Шартр. Королевская казна не давала никаких средств для выплаты англичанам. Союзные принцы истощили все свои финансы. В этой нужде канцлер обратился к городу Парижу. Ему ответили в один голос, что те, кто призвал англичан, пусть те и платят. Этот ответ был слишком справедлив, чтобы настаивать далее. Герцог Орлеанский получил разрешение взимать чрезвычайную подать в своих владениях, затем отправился договариваться с герцогом Кларенсом. Он отвез ему те небольшие деньги, которые смог добыть вместе со своими союзниками, заложив украшения и раки с мощами из церквей; он отдал в заложники для уплаты остального своего брата герцога Ангулемского и четырех рыцарей. Англичане затем продолжили свой путь к Бордо в достаточно стройном порядке, объявляя, что скоро снова войдут во Францию, чтобы вести там войну от имени своего короля.

29 сентября дофин совершил свой торжественный въезд в Париж, имея рядом с собой герцога Бургундского и графа де Верту. Король и королева также вернулись туда. Несколько дней спустя герцог Беррийский также вернулся, с большим отвращением и злобой к парижанам, в свой прекрасный отель де Нель, который они разграбили. Народ радовался, видя снова всех этих принцев; он оказывал радушный прием даже тем, кто был из партии арманьяков, и проникался к ним доверием. Но мясники и люди из ополчения смотрели на этот мир как на предательство и подозревали у всех этих сеньоров дурные намерения против общественного блага[20]. Один из слуг герцога Беррийского хотел убить жителя Парижа, городу было позволено нести дозор днем и ночью, и всем, кроме горожан, было запрещено ходить с оружием в ночное время[21].

В пышности королевского въезда заметили, что никто не был более роскошен в своих экипажах, чем сир Лурден де Салиньи, камергер герцога Бургундского, и были весьма удивлены, когда на следующий день он был схвачен по приказу своего господина и отправлен во Фландрию. Не знали ничего определенного о преступлении, которое ему вменялось. Одни говорили, что сир де Жаквиль, рыцарь из области Бос, недавно снискавший расположение герцога Иоанна и сменивший в его доверии парижского прево, раскрыл ему заговор против его жизни, составленный вдовой великого магистра Монтегю, главным орудием которого должен был стать сир де Салиньи. Другие говорили, что он был арестован по доносу герцога Бурбонского.

Герцог Лотарингский приехал в Париж под защиту герцога Бургундского, чтобы уладить там неприятное дело, навлекшее на него его неосторожность. Он утверждал, что сеньория Нёфшато зависит не от короля, а от империи. Ему был предъявлен исполнительный лист с требованием принести присягу верности своему законному сеньору. Не только судебные приставы были посажены в тюрьму, но и гербовый щит Франции, который они прикрепили к стенам города в знак сюзеренитета, был сорван и проташен по грязи. Герцог был вызван в Парламент, не явился туда и был заочно осужден как виновный в оскорблении величества; он был изгнан, а его владения объявлены конфискованными[22]. Как только Парламент узнал,

что герцог Лотарингский в Париже, он приказал прокурору и адвокатам короля отправиться ко двору и требовать от короля, чтобы он свершил правосудие над герцогом Лотарингским и выдал его Парламенту. Люди короля прибыли как раз в тот момент, когда герцог Иоанн представлял королю герцога Лотарингского. Канцлер спросил их, чего они хотят. Тогда магистр Жювеналь, королевский адвокат, опустился на колени и изложил свою просьбу. «Жювеналь, — сказал герцог Бургундский, — так не поступают. — Монсеньор, — возразил королевский адвокат, — надлежит делать то, что приказал суд Парламента, и я требую, чтобы те, кто добр и верен, пошли с нами; те же, кто не таков, пусть переходят на сторону герцога Лотарингского». Тогда сам герцог Бургундский отпустил герцога Лотарингского, которого держал за рукав, и тот вынужден был смиренно просить прощения у короля, который отменил его приговор. Герцог Бургундский недостаточно любил благо королевства, чтобы быть благодарным доброму и верному слуге короля за такое исполнение долга, он затаил злобу на магистра Жювеналья.

Помимо несчастий и беспорядка в королевстве, которые необходимо было срочно исправлять, было очевидно, что война с англичанами вот-вот возобновится. Сир де Элли и де Рамбюр, коннетабль, король Сицилии находились в Гиени, Пикардии и Анжу, чтобы противостоять их атакам; но у них было слишком мало сил для сопротивления. Королевский совет в столь печальных обстоятельствах решил собрать депутатов трех сословий королевства. Были отправлены нарочные в города с приказом прислать своих депутатов к королю. Они прибыли в Париж в течение января, и 30-го они были собраны в присутствии короля в его отеле Сен-Поль вместе с университетом и городским корпусом; присутствовали герцоги Гьеннский, Бургундский, Бурбонский, граф де Верту. Герцог Орлеанский все еще отсутствовал, а герцог Беррийский был тяжело болен. Множество сеньоров и прелатов также были созваны и входили в собрание.

Сир д'Оллеэн, канцлер Гьеннский, изложил причину этого собрания; он обрисовал бедствия королевства, настоятельно подчеркнул примирение принцев, представил его как нерушимое, говорил о необходимости объединить все усилия против общего врага и закончил вопросом о средствах для ведения войны, которая предвещалась столь грозной. «Король дает вам шесть дней на размышление, — добавил он, — по истечении этого срока вы вернетесь, чтобы сообщить ему, каковы ваши чувства и какой помощи он может ожидать от вас для своей славы и спокойствия своего народа».

В назначенный день депутаты вернулись: депутаты провинций Реймса и Руана взяли слово по очереди, изложили бедственное положение народа, весьма восхваляли принцев за прекращение столь прискорбной войны; но просили короля сжалиться над своими бедными подданными и быть уверенным, что они не в состоянии нести бремя ни малейшего нового налога. На следующий день аббат Сен-Жан говорил от имени духовенства еще более сильно; он не побоялся напасть на злоупотребления сборщиков и получателей, и еще более — на распределителей королевских финансов; он сказал, что нужно забрать у людей, которые грабили народ и королевскую казну, средства для содержания армий и ведения войны.

Два дня спустя университет и город Париж выступили перед королем; он дал им аудиенцию в клуатра, окружавшем двор его отеля Сен-Поль, где он имел обыкновение прогуливаться; ибо не было зала, достаточно большого для столь многочисленного собрания. Парламент отказался присоединиться к университету, который его к этому приглашал. «Не подобает, — ответил он, — суду, учрежденному для отправления правосудия именем короля, выступать в роли истца, требующего его. Впрочем, Парламент всегда готов всякий раз, когда королю

будет угодно выбрать некоторых из его членов для занятия делами королевства. Университет и городской корпус сумеют не сделать ничего, чего не следовало бы делать»[23].

Магистр Бенуа Жантьен, монах из Сен-Дени и знаменитый доктор теологии, был оратором. Сначала он говорил о мире, заключенном в Осере, и сказал, что король особенно обязан его сохранять; что никакая милость, никакое звание, сколь бы высоким оно ни было, не должно освобождать от сурового наказания того, кто осмелится в будущем нарушить столь счастливый и спасительный мир. Темой его речи было: *Imperavit ventis et mari, et facta est tranquillitas magna*[24]. Он исходил из этих слов, чтобы приписать бури в государстве ветру честолюбия и ветру мятежа. Он ярко описал бедствия, порожденные честолюбием. Все узнали в этом герцога Бургундского, и многие в собрании возроптали. Затем он перешел к дурному управлению финансами, к множеству должностей, их жалованью и пенсиям, к алчности придворных, наконец, к тому беспорядку, который не оставлял королю средств содержать свой двор или ремонтировать свои замки, когда они разрушались. «Сир, — сказал он в заключение, — вы простите меня, если я осмелюсь сказать, что все ваши подданные полагают, что вы несколько отступаете от мудрого и благоразумного поведения доброго короля Карла, вашего отца, счастливой памяти. Университет, ваша дочь, и ваши добрые и верные горожане этого города испытывают от этого великую скорбь и заклинают вас не держать руку всегда открытой для назойливых просьб людей вашего дома, ваших советов и капитанов ваших крепостей; они злоупотребляют вашей щедростью; кроме того, мы советуем вам вернуть королевские деньги, которые были у вас украдены мошенничеством сборщиков».

Депутаты Сана и Буржа говорили в том же духе. Король выслушал все эти увещевания благосклонно, велел канцлеру ответить, что примет их во внимание, и собрание было распущено.

Этого было недостаточно, чтобы удовлетворить недовольный и склонный к мятежу народ, или даже людей здравомыслящих и доброй воли. Университет и город нашли, что речь магистра Жантьена, так сильно шокировавшая придворных сеньоров, не отвечала общественному намерению; и что вместо того, чтобы довольствоваться туманными и общими жалобами, нужно было назвать тех, кто извлекал выгоду из злоупотреблений и увековечивал их. Чтобы исправить эту трусость, — ибо именно так называли поведение магистра Жантьена, — поручили магистру Эсташу де Павильи из ордена кармелитов составить длинную записку и попросили у короля новой аудиенции для ее прочтения. Она была предоставлена, и ректор университета велел прочитать вслух тетрадь, содержащую примерно следующее:

«Наивысочайший и превосходнейший принц, наш верховный сеньор и отец, вот статьи, которые составила ваша смиреннейшая и преданнейшая дочь, Парижский университет, ваши смиреннейшие и послушнейшие подданные купеческий прево, эшеваны и горожане вашего доброго города Парижа, чтобы дать вам совет, утешение и помощь, как вы того просили, ради пользы, чести и блага вас самих и общественного дела вашего королевства».

Первая статья касалась мира между принцами. Короля просили заставить их принести клятву соблюдать его в его собственные руки. Жаловались на то, что он остается без исполнения, так как англичане находятся в королевстве и отряды все еще рыщут по различным провинциям, опустошая их; особенно удивлялись, что граф д'Арманьяк не разоружился и совершенно не считается с Осерским миром.

«Во-вторых, университет и город, принимая во внимание, что для чести вашего королевства, а также для продолжения и сохранения вашей сеньории и господства крайне необходимо изложить вам недостатки, которые есть в вашем королевстве, скажут вам о финансах вашего домена. Они должны распределяться на четыре различные цели: милостыня; расходы на вас, королеву и герцога Гьеннского; жалованье вашим слугам и ремонт ваших отелей, замков и владений; наконец, остаток, который, как в старину, должен откладываться в королевскую казну.

Между тем очевидно, что ваши финансы не употребляются на вышеупомянутые вещи. Что касается милостыни, часто можно видеть бедных монахов и монахинь, как из аббатств, так и из больниц, тратящих свое собственное достояние, чтобы попытаться добиться правосудия. Их церкви разрушаются, и божественная служба перестает в них совершаться в ущерб душам ваших предшественников и на совести вашей.

Что касается расходов на вас и герцога Гьеннского, доказано, что на это берется четверста пятьдесят тысяч франков как из домена, так и из других источников. В прошлые времена это стоило только девяносто четыре тысячи франков, и тем не менее ваши предшественники содержали прекрасный двор; торговцы и другие люди получали плату за свои товары; но теперь они ее не получают. И часто случается, что служба вашего отеля прерывается, как это было видно в прошлый четверг в отеле королевы. Равным образом, на ее отель раньше брали только тридцать шесть тысяч франков, сегодня же это сто четыре тысячи франков, не считая доходов с ее собственных владений и вспомоществований, которые она там взимает. Также есть беспорядок в должности вашего казначея, равно как и в вашей конюшне, предмете больших расходов, где делается много такого, что не оборачивается вашей честью и выгодой.

Что касается жалованья слугам вашего отеля, они сильно жалуются на людей вашей денежной палаты. Часто они не могут узнать новостей о своем жалованье и живут, таким образом, в стеснении и бедности, не имея возможности появляться подле вас так прилично, как подобало бы. Однако есть другие, которым платят очень хорошо».

«Ваши здания, отели, замки, мельницы, печи, ваши дамбы, мосты, порты, паромы, переправы не ремонтируются и приходят в разрушение и запустение.

«Что касается сберегательной казны вашего домена, в настоящее время в ней нет ни денье, хотя в прошлые времена, при короле Филиппе, короле Иоанне, короле Карле, там всегда находились большие суммы.

«Всё это — вина чиновников, поставленных управлять вышеупомянутыми расходами. Раймон Рагье, магистр вашей денежной палаты, является главным управляющим и казначеем дома королевы. Он вел себя в этой должности так, что сделал большие приобретения и постройки, как можно видеть и в полях, и в городе. Шабо Пупар, ваш казначей, и Гийом Бюде, магистр ваших гарнизонов, также нажили ренты и владения и имеют ныне крупное и обширное состояние; они ведут большой дом; у них есть лошади, они ежедневно возводят замки и строения. Они не могли бы всего этого сделать на жалованье от своей должности, ни на богатства, которые имели, когда вступали в нее.

«Что касается финансов государственного домена, вот уже тридцать лет и более, как ими плохо управляют и как они пожираются многочисленными чиновниками, не для блага вас и вашего королевства, но ради их личной выгоды; по этому пункту университет и ваши подданные излагают вам следующее: во-первых, у вас чрезмерное число казначеев; в этих должностях столько выгоды, что множество людей стремятся в них попасть, так что нет года, чтобы их не

меняли, не возвращали, не удаляли, в зависимости от того, у кого есть влияние в королевстве. Бог ведает, почему они так охотно в них вступают, как не ради кусков и краж, которые они там совершают; ибо если казначей не извлекает от вас четырех или пяти тысяч франков в год, ему кажется, что это ничто. Раньше их было двое; теперь их четверо или пятеро, а бывало и до семи. Они не заботятся о том, чтобы оплачивать необходимые вещи, ни о том, чтобы соблюдать приносимые ими клятвы, но о том, чтобы оплачивать крупные и чрезмерные подношения, которые они должны делать тем, кто их туда продвинул; и всё это берется из казны. Все финансы прошли через их руки, и они приобрели, как известно, высокие и бесчисленные владения. Теперешние казначеи, Андре Жиффар, Бюро Даммартен, Ренье де Болины, Никола Бонне и Ги Буше, бесполезны и повинны в этом дурном управлении, особенно Андре Жиффар. Он потерял всё, что нажил его отец. Тем не менее, по протекции парижского прево, чьим кузеном он является через жену, он был сделан казначеем и там так набил карманы деньгами, что теперь он весь в рубинах, сапфирах, драгоценных камнях, великолепных одеждах и лошадях; он ведет удивительный образ жизни, и у него дома только и видишь, что серебряные блюда, миски, чаши и кубки.

«Раньше для ведения в суде финансовых дел был только один советник-клирик; сегодня их четверо, с большими доходами.

«Что касается вспомоществований, ими управляют чиновники, называемые генералами вспомоществований, через распоряжение которых проходит весь продукт вспомоществований, взимаемых на войну, составляющий в обычные годы двенадцать тысяч франков. Эти генералы ведут себя не лучше ваших казначеев. Им тоже нужно платить друзьям, которые их туда пристроили; и за два года они зарабатывают, без сомнения, девять или десять тысяч франков, не говоря уже о дарах, которые они себе обеспечивают, — дарах, которые они иногда взимают от имени сеньоров, без ведома последних, как удалось обнаружить, когда хотели провести реформу.

«Существует еще одна должность — это сберегательная казна. На вспомоществованиях взимают сто или сто двадцать тысяч франков для помещения в эту кассу, у которой два ключа, один из которых должны носить вы. Эти деньги должны служить для неотложных нужд ваших и вашего королевства; Антуан Дезессар, который ею управляет, так ими распорядился, что там не осталось ни креста, ни решки. Этот Антуан Дезессар был также хранителем ваших драгоценностей и ваших ливрей; он закупал то, что вам нужно для вашего тела; чем он, говорят, весьма плохо распорядился.

«Была создана еще одна должность — хранителя сундуков, которую занимает Морис де Рёйи. Он получает ежедневно десять золотых экю монетой, чтобы вы тратили их по своему удовольствию; но у вас нет из них ни денье, он раздал их по своей прихоти. Когда вам срочно нужны финансы для вашей войны или ваших важных дел, денег не находят. Тогда идут к купцам, которые продают деньги и нажили их ростовщицеством и грабежом; им отдают в залог ваши драгоценности и вашу посуду; посредством ростовщицества и обмена вы платите пятнадцать тысяч франков за то, чтобы получить десять, что ясно показывает, что ваши служители участвуют в таких делах и делят барыши. Так же происходит и у других сеньоров вашей семьи, не исключая никого. Другая практика генералов ваших финансов — это отстранять от должности сборщиков, когда они имеют на руках пять или шесть тысяч франков аванса; тогда они назначают другого, который получает всё, что подлежит взысканию; затем первого восстанавливают, требуя с него изрядную сумму, и он снова занимает свою должность, не для вас, а чтобы возместить себе то, что ему причиталось. Вот как они перекидывают один год на дру-

гой и заставляют вас пить ваше вино как незрелый виноград. Вы так стеснены в деньгах, что часто, когда нужно отправить посольство, не находят средств отправить даже простого каноника; посольство не отправляется или прибывает слишком поздно, к вашему великому ущербу.

«Кроме домена и вспомоществований, за последние два-три года взимались тальи, десятины, полдесятины, налоги, мальтоты, сборы по результатам реформы и различные другие способы получения финансов. Этим занимался парижский прево. Он велел называть себя верховным распорядителем финансов и генеральным управляющим. Он, а также другие ваши высшие сановники, владели также большим числом должностей, затем продавали их и получали за них деньги, которые клали себе в карман, в ущерб вам и общественному делу, помещая на вышеупомянутые должности бесполезных и невежественных людей. Так, парижский прево некоторое время занимал должность генерального управляющего и магистра вод и лесов. Он уступил ее сеньору д'Иври и получил за это шесть тысяч франков. Кроме парижского превоства, у него есть капитанство в Шербуре, которое приносит ему шесть тысяч франков, и в Немуре — две тысячи франков.

«Этот прево и другие управляющие вашими финансами имеют еще один способ наносить вам ущерб: это давать сборщикам, хранителям соляных амбаров, их клеркам, их служителям дары, которые они регулярно получают каждый год как ренту, сверх их обычного жалованья; так что когда какой-нибудь молодой человек поступает на службу к генеральному сборщику или хранителю соляного амбара, хотя он низкого звания и малых знаний, вскоре он богатеет, ведет большой дом и покупает, за ваш счет, должности и наследства. В то же время задерживается выплата жалованья честным людям, рыцарям, советникам и другим. Часто с них требуют расписки, подписанные вчистую, и используют их во зло. Велика жалость слышать жалобы этих рыцарей на то, как им платят. Теперь стало общим правилом, что люди с оружием живут за счет страны, не получая своего жалованья. Университет также полагает, что, вообще, всевозможные чиновники ведут слишком большой образ жизни и опасается, что Бог наконец разгневается на проистекающие от этого бедствия.

«Что касается вашего великого совета, в нем не соблюдается должный порядок; туда принимают на легких условиях. Однако туда следовало бы допускать только честных людей, мудрых клириков или рыцарей, получающих жалованье или пенсию от вас, а не от какого-либо другого сеньора; следящих за вашими интересами, вашей честью и честью вашего королевства. Часто случается, из-за множества присутствующих, что прошения, которые вам подаются, и ваши дела остаются без движения. Послы, как иностранные, так и из королевства, остаются без ответа. Когда там принимается хорошее решение, что иногда случается, нужно, чтобы оно не задерживалось с исполнением и чтобы оно не было впоследствии отменено в день, когда в совете присутствует мало людей, как это уже бывало. Это большое неудобство — такая медлительность в ведении дел. Слышно, как сеньоры жалуются, что ваш совет не дает им никакого ответа, даже когда речь идет о благе вашего королевства; есть и такие, которые говорят, что если не навести порядок, им волей-неволей придется заключить мир с вашими врагами; этим вы подвергаетесь опасности потерять многих из ваших добрых вассалов.

«Переходя к правосудию вашего королевства, ваша Парламентская курия, которая является верховным судом в вашем королевстве, управляется не так, как было заведено. Раньше туда назначали высоких и превосходных клириков, достойных честных людей зрелого возраста, сведущих в праве и правосудии. Такова была слава правосудия, отправлявшегося в этом суде, без снисхождения к кому бы то ни было, что не только христиане, но даже сарадины приходили туда просить суда. За последнее время, по благу, по родству, по дружбе, по просьбе,

туда были назначены молодые люди, не знающие судебного дела и недостойные столь благородной и превосходной должности; авторитет и слава этого суда оттого сильно умалились. Там также заседают вместе сыновья и отцы, братья, дяди и племянники, свойственники, и из этого могут проистекать большие неудобства. Говорят также, что дела многих бедных людей там как бы погребены и они не могут добиться правосудия.

«Что касается Счетной палаты, там накопились всевозможные неудобства; хотя недавно назначили новых магистров, не похоже, чтобы дело пошло лучше. Среди этих новых — Александр Бурсье, который был генеральным сборщиком вспомоществований и до сих пор не закрыл свои счета; так что тот, кто сам подлежит реформированию, поставлен реформировать других.

«Относительно генералов правосудия, уполномоченных выносить решения по делам о вспомоществованиях, заметим, что при покойном короле Карле их был только один или два, а теперь их семеро, каждый из которых имеет сто франков жалованья и писца, не говоря уже о клерках и сержантах, все с большим жалованьем и получающие подарки.

«Кто захотел бы говорить о магистрах прошений королевского отеля, Бог ведает, что бы он сказал! В прошлые времена туда назначали старых и опытных людей, знающих обычаи королевства; они умели отвечать на все прошения и просьбы и подписывать те, которые следовало, после чего они направлялись в канцелярию. Ныне эти молодые люди, ничего не знающие, не могут вести дела, иначе как по воле канцлера; отсюда следует, что вынуждены, для их замещения, назначать чрезвычайных чиновников, которым хорошо платят.

«Что касается вашего канцлера Франции, достаточно известно, что он перенес большие труды и вполне достоин иметь большие доходы, без ущерба для общего блага. Однако он должен был бы иметь жалованья только две тысячи ливров, а он, вот уже двадцать лет, берет сверх того две тысячи франков из сборов за печать; кроме того, реестр помилований, который при двадцати су за каждое может дать крупную сумму; две тысячи франков со вспомоществований; двести франков в год на одежду; пять-шесть сотен ливров из казны. Он также получал крупные дары с талий и налогов. Можно также сказать, что он довольно легкомысленно пропускал и скреплял печатью грамоты о чрезмерных дарах. Таким образом, канцелярия управляется так, что вам от этого не поступает большой выгоды, хотя сборы за печать весьма значительны.

«Не следует забывать сказать, что за последнее время ваша монета сильно уменьшилась в весе и ценности. Эку был уменьшен на два су, а монеты в два блана — на две обели. Это вам в ущерб, ибо ломбардцы собирают всё хорошее золото и производят свои платежи новой монетой. Парижский прево, купеческий прево и Мишель Лайе прибрали к рукам ведение монетных дел; если допустить, что этим уменьшением они и дали вам получить какую-то выгоду, она не сравнима с убытком, который потерпели вы и королевство, как могли бы лучше объяснить люди, в этом разбирающиеся.

«Но университету и вашим подданным недостаточно изложить вам ошибки и дурное управление вышеуказанных лиц; вы пожелали, чтобы они пришли к вам, дабы хорошо вам посоветовать; они желали бы, чтобы Бог оказал им эту милость. Они к этому обязаны, равно как и от всего сердца жертвовать для вас свою личность и достояние. Во-первых, чтобы исправить эти вещи и иметь, как можно скорее, хорошие и справедливые финансы, надлежит закрыть руку для всех этих управляющих, без исключения, устранить их от должностей и обеспечить сохранность их движимого и недвижимого имущества, равно как и их лично, пока

они не отчитаются. Надлежит аннулировать все пожалованные дары и все чрезвычайные пенсии: приказать всем сборщикам и виконтам домена и вспомоществований, а также хранителям соляных амбаров, и запретить им, под страхом конфискации имущества и телесного наказания, отчитываться в своих поступлениях кому-либо, кроме вас самих, безотносительно к каким-либо ассигновкам, выданным на них. Поскольку вспомоществования были установлены только для войны и защиты королевства, вы должны изъять их все в свои руки и не допускать их использования на другие цели; теперь вы в них так сильно нуждаетесь, что никто не сможет счесть это за зло. При сем соблаговолите вспомнить доброе управление вашего отца короля Карла, который употреблял вспомоществования столь благородно, что изгнал англичан из королевства и вернул свои крепости. Его чиновники, однако, хорошо оплачивались; у него еще оставались большие финансы, и он оставил прекрасные драгоценности.

«А если у вас еще недостаточно денег, кажется, вы можете взять их у тех, кто держит их от вас. Можно было бы назвать до шестнадцати сотен богатых и могущественных людей, долг которых — помогать бедным. Можно было бы попросить у них определенную сумму, например, тысячу франков с каждого, объявив, каким образом она будет им впоследствии возвращена.

«Для получения ваших финансов с домена и вспомоществований надлежит выбрать достойных честных людей, боящихся Бога, не алчных и еще никогда не занимавшихся такого рода делами, которым будет назначено законное жалованье, без чрезвычайных даров.

«Обычные расходы на вас, королеву и герцога Гьеннского должны быть тщательно рассмотрены, дабы не превышать двухсот тысяч франков.

«Что касается Парламента, нужно будет, чтобы те, кого сочтут недостаточно сведущими, были отставлены и заменены достойными лицами, с соблюдением древних условий.

«Число генералов финансов и правосудия по вспомоществованиям должно быть сокращено до древнего числа и употребления; что касается выборных, выносящих решения в первой инстанции по делам о вспомоществованиях, нам кажется, что для блага вас и вашего народа можно было бы поручить их функции судьям, это была бы большая экономия.

«Счетная палата должна была бы состоять из добрых, старых честных людей; это она должна была бы предупредить вас обо всем этом.

«Нам кажется, что для вашего совета следовало бы выбрать путем добрых и истинных выборов несколько мудрых людей, и чтобы только они вместе с членами вашей семьи составляли совет, давали вам лояльные советы, не имели в виду ничего, кроме вашего блага и блага вашего королевства. Они должны быть защищаемы и поддерживаемы вами и вашим правосудием таким образом, чтобы то, что они постановят, приводилось в исполнение без всяких возражений.

«Мы полагаем, что для обеспечения защиты границ Аквитании, Пикардии и других провинций нужно было бы выделить на это достаточную сумму денег, следя за тем, чтобы не возникло никаких неудобств. Мы просим выбрать хороших и достаточных людей, с разумным жалованьем, чтобы они от вашего имени наблюдали за теми, кто взял на откуп должности прево, дабы они не обременяли, как они это делают, бедных и простых людей чрезмерными штрафами.

«Университет и ваши подданные смиренно умоляют вас приказать некоторым лицам вашей крови и другим мудрым людям провести реформу всех тех, кто провинился и кто имел долю в ваших сокровищах без разумной причины; и приказать прелатам и горожанам провинций, которые здесь находятся, назвать людей, виновных в чем-либо из вышеупомянутого.

«Все эти вещи, наш верховный сеньор, мы изложили вам смиренно, потому что мы желаем превыше всего вашего блага, вашей чести, сохранения вашей короны. Университет, ваша дочь, сказал вам это не для того, чтобы извлечь какую-либо временную выгоду, но чтобы исполнить свой долг. Всякий знает, что не он имеет обыкновение получать должности или выгоды. Он занимается только своими науками и тем, чтобы указывать вам на то, что касается вашей чести и блага, когда случай того требует; хотя он несколько раз приходил предупреждать вас о вышеуказанных вещах, этому не было дано хода, и ваше королевство впало в столь великую опасность, что более не может возражать, и мы просим помощи у вашего старшего сына герцога Гьеннского и у герцога Бургундского, который уже предпринимал то же дело, не жалея ни трудов, ни средств своих. Но вышеуказанные правители, опасаясь быть отстраненными, чинили всяческие препятствия, как чинят и теперь. Они публично говорили, что университет говорит из одной лишь ненависти и на основании свидетельств пяти-шести лиц; но вы знаете, что у него не в обычае собирать сведения таким образом. Он не сказал ничего, что не было бы ясным и общеизвестным, и нет человека столь малого разумения, который не знал бы их проступков. Но это им не поможет выиграть дело, ибо университет не умолкнет, потому что они того хотят, он будет говорить, пока вы даете ему аудиенцию, и он счел бы себя провинившимся перед вами, если бы не употребил всю свою власть на то, чтобы вышеуказанные вещи были усердно исполнены.

«Мы также просим помощи у наших почитаемых сеньоров, здесь присутствующих: Неверского, де Верту, Шароле, Барского, Лотарингского, коннетабля и маршала Франции, великого магистра Родоса, магистра арбалетчиков и вообще всего рыцарства и всего оруженосного сословия вашего королевства, которое предназначено для сохранения вашей короны. Мы просим также помощи у ваших советников и всех прочих ваших подданных и чтобы каждый, по своему званию, исполнял свой долг перед вами».

Эта тетрадь с увещаниями была встречена всеобщим одобрением; она была особенно горячо встречена депутатами провинций и бесчисленным множеством народа, находившегося на собрании.

Эти предложения университета вызвали большие споры в королевском совете. Однажды сир д'Оллеэн, канцлер Аквитании, в горячем споре прервал канцлера Франции, найдя его речь длинной и бесполезной; мессир Арно де Корби счел себя оскорбленным этой дерзостью и ответил, что слово не должно быть так отнято у него человеком, который не является ни столь давним, ни столь верным слугой короля, как он. «Вы лжете своими зубами, — возразил разгневанный бургундец. — Вы оскорбляете меня, — сказал канцлер, — меня, канцлера Франции, и это не в первый раз; я всегда это терпел и сносил из уважения к монсеньору Аквитанскому, и только по этой причине стерплю и теперь». Все присутствующие были смущены и опечалены этой ссорой. Герцог Аквитанский, охваченный гневом, встал, взял своего канцлера за плечи и выставил его из залы. «Вы дурной и гордый негодяй, — сказал он, — оскорблять так, в моем присутствии, канцлера монсеньора короля; мы более не нуждаемся в ваших услугах[24]».

Тотчас же после этого, несмотря на настояния королевы и герцога Бургундского, дофин взял канцлером адвоката по имени магистр Жан де Вайи, которого ему рекомендовал герцог Людовик Баварский; более мудрые люди, возможно, не указали бы ему его.

Уволить таким образом слугу герцога Бургундского, который был им поставлен, было со стороны дофина верным признаком того, что он все более поддается другим советам. Герцог Барский, который еще при осаде Буржа приобрел влияние на его ум и склонил его к миру, граф де Верту, герцог Баварский, мало-помалу завоевали его доверие; они внушили ему желание властвовать; они убеждали его, что у него есть необходимые возраст и благоразумие, чтобы взять на себя управление королевством, и что нужно заставить повиноваться себе своих людей и всех подданных своего отца.

Герцог Бургундский хорошо видел, что его стараются отстранить от управления королевством; у него отняли расположение герцога Аквитанского; ежедневно обрабатывали его служителей, отрывали их от него, вовлекали в замыслы, враждебные ему. Уже давно он имел основания жаловаться на Пьера Дезессара. Еще в то время, когда он был к нему весьма благосклонен и доверял ему власть, столь дурно осуществлявшуюся, он сказал ему: «Парижский прево, Монтегю потребовалось двадцать два года, чтобы дать отрубить себе голову, но вы, право, не потратите на это и трех». Позже, когда, благодаря распоряжениям, отданным Дезессаром, арманьяки смогли уйти из Сен-Дени, его сильно подозревали в том, что он дал себя подкупить. В Бурже и Осере были замечены его тайные сношения с противной партией; теперь он был в милости у дофина, который слушал его советы больше, чем чьи-либо другие.

С другой стороны, граф д'Арманьяк оставался с оружием в руках; герцог Орлеанский держался в отдалении. Он имел в Анжере свидание с королем Сицилии, герцогом Бретонским и графом Алансонским; опасались, как бы он не предпринял чего-либо против мира. Однако канцлер герцога Орлеанского прибыл в Париж и ограничился изложением жалоб своего господина. Он жаловался, что Осерский договор не соблюдается: коннетабль де Сен-Поль отказывается вернуть ему замок Куси; он частично разрушил его и отправил продавать в Париж свинцовые трубы, распределявшие воду по всему этому большому и прекрасному зданию. Жители Суассона разрушили замок, который он имел в их городе, и он не может добиться правосудия. Он также просил помочь ему выкупить брата из рук англичан и дать ему средства взимать субсидии в своих владениях.

Он был не единственным, кто был недоволен тем, как соблюдался Осерский мир: конфискации не возвращались; те, кому они были пожалованы, придумывали тысячу предлогов, чтобы удержать их; им оказывали большее предпочтение, чем прежним владельцам; ежедневно возникали новые задержки в судебных разбирательствах, начатых по этому поводу.

Таким образом, ненависть между двумя партиями не утихла; они продолжали обвинять друг друга в самых отвратительных преступлениях. Арманьяки рассказывали, что герцог Бургундский задумал убить в Осере принцев Орлеанского и герцога Беррийского; что он сообщил этот план сирам де Жаквилю и Дезессару; что последний отказался от этого преступления и тайно предупредил о нем принцев. Этому рассказу давали довольно всеобщую веру[25]. Герцог Бургундский также уверял, что покушаются на его жизнь: он напоминал об убийце из Понтуаза, о заговоре сира де Салиньи; еще и в настоящее время парламент Доля ведет дело против Людовика Шалонского, графа Тоннера, за то, что он предлагал Жану де Шалону, принцу Оранскому, своему кузену, и сиру де Нёфшателю погубить герцога Бургундского, как они сами объявили[26].

Однако еще не думали братья за оружие, чтобы снова оспаривать друг у друга управление. Дофин отдалялся от герцога Бургундского, но тот по-прежнему имел наибольшую долю власти. Король грамотами от 2 марта только что поручил ему изгнать из королевства англичан, которые продолжали производить там тысячи ужасных опустошений. Он получил полномочия собирать и возглавлять столько воинов, сколько пожелает, назначать им таких начальников, каких сочтет нужным, занимать города и крепости, наконец, совершать для защиты страны все акты верховной власти. Кроме того, мнение депутатов сословий было к нему более благосклонно, чем к другим принцам. В согласии с университетом и городом Парижем он проводил требуемую реформу и заставлял ее служить своим видам. Начали с увольнения тех, кто был назван в жалобах магистра Павильи. Король взял под свою защиту канцлера; это он в течение долгого времени вел дела; он был стар и уважаем всеми добрыми людьми. При исполнении столь высокой должности он всегда проявлял благоразумие и непоколебимую верность.

Человеком, который стал наиболее ненавистен, был Пьер Дезессар. Великая любовь, которую парижане питали к нему, превратилась в ярость. Сожалели, что арманьяки своими дурными происками перетянули к себе человека, который действительно любил короля и благо народа, но тем более были настроены против него[27]. Последнее приключение окончательно его погубило. Один бургундский воин стоял на постое в гостинице на улице Ла-Арп. Его лошадь пала; ночью ее вытащили из конюшни и приволокли к дверям коллежа д'Аркур. Школяры, найдя эту пададь на следующее утро, сочли себя оскорбленными и приволокли ее обратно в гостиницу, откуда она была принесена. Хозяин гостиницы был судебным приставом в Шатле, большим протеже парижского прево. Он нагло обошелся со школярами. Разгорелась ссора, дело дошло до драки; сир Дезессар принял сторону своего пристава и послал ему подмогу. Вмешались все школяры университета; в городе начались беспорядки[28]. Герцог воспользовался случаем и отставил сира Дезессара от должности парижского прево; она была отдана другому служителю герцога Бургундского, мессиру Ле Борну де Ла Энзу, одному из его самых доблестных рыцарей.

Что касается управления финансами, за которое его должны были привлечь к ответу, Дезессар как-то сказал, что его оправдание будет легким: он дал два миллиона герцогу Бургундскому и покажет расписку, подписанную самим герцогом. Это слово решило его гибель. К тому же герцог Аквитанский и принцы, которые им управляли, дошли до того, что не могли более обходиться без Дезессара; он был душой их советов. Говорили, что его план состоял в том, чтобы похитить короля и дофина; что для этого он собрал пятьсот или шестьсот воинов в Мелене. Добавляли, что он беспрестанно твердил принцам, что народ Парижа следует вести сурово и держать в страхе[29]. Ему пришлось скрыться от угрожавших ему опасностей; он спасся в крепости Шербур, капитаном которой был.

Народ начал накаляться. Мясники по-прежнему были хозяевами города, все трепетали перед ними. Герцог Бургундский ухаживал за ними и ласкал их больше, чем когда-либо. Многие из его собственных слуг и рыцарей огорчались, видя, что он водится с таким человеком[30]. Университет также раскаивался в том, что был причастен к делу, которое обернулось столь великим беспорядком; это в некотором роде давало правоту тем, кто находил смехотворным и дерзким видеть людей, совершенно не сведущих в делах и целиком умозрительных, бросающих свои книги, чтобы наставлять принцев и управлять государством, как своими классами.

В надежде отвратить герцога Бургундского от этого дурного пути люди доброй воли, не враждебные ему, пошли просить магистра Жювенала повидать его и дать ему мудрые советы.

Жювеналь несколько раз являлся в отель Артуа, подолгу ждал там, не получая аудиенции; наконец, однажды ночью герцог велел ему прийти; тогда он наилучшим образом представил ему, во-первых, что он не должен упорствовать, всегда утверждая, что хорошо сделал, велел убить герцога Орлеанского: из-за этого произошло достаточно бедствий, говорил он, чтобы признать себя неправым; по крайней мере, он должен заявить, что будет соблюдать обещания, данные в Осере. Затем он сказал ему, что не соответствует его чести позволять управлять собой мясникам, живодерам и множеству дурных людей. Он добавил, что может гарантировать ему, что сто самых именитых парижских горожан обязуются всегда его сопровождать, делать то, что он им прикажет, и даже дать ему денег взаймы, если он будет нуждаться.

Герцог довольно терпеливо выслушал генерального адвоката; но ответил сперва, что он не был неправ и никогда в этом не признается; что же касается людей, о которых ему говорят, он знает, что ему делать, и что иначе не будет.

Дела были в таком положении, как вдруг, 28 апреля, Пьер Дезессар во главе нескольких воинов вошел в Париж и захватил Бастилию Сент-Антуан по приказу дофина. При первом известии об этом два брата Леуга, Дени де Шомон, Кабош и Жан де Труа, главари мясников, распустили среди народа слух, что это — начало замысла, составленного Пьером Дезессаром, похитить короля и уничтожить город. Начался мятеж; толпой пошли требовать от купеческого прево, чтобы он выдал городское знамя и известил пятидесятников и десятников, чтобы те явились с оружием на Гревскую площадь. Клерк Ратуши проявил большую твердость. Он представил им, что они обещали никогда не браться за оружие, не предупредив об этом герцога Аквитанского за два дня. Мятежники, и даже самые мелкие люди, в конце концов вняли голосу разума; они разошлись, договорившись встретиться на следующий день[31].

На следующий день купеческий прево, эшеваны, пятидесятники, все почтенные и богатые горожане, решили предпринять последние усилия, чтобы предотвратить беспорядок. С грустью вспоминали они последствия смут и бунтов. Некоторые из них взяли вернуть чернь к более спокойным чувствам. Это было трудно; главари, когда им говорили довериться герцогу Аквитанскому, отвечали с шумом: «Разве напрасно мы до сих пор, то тайно, то явно, давали понять королю, его сыну, его совету и вельможам государства о невыносимых бедствиях, в которые предатели и дурные французы ввергают королевство? Разве всегда не пренебрегали принятием мер? Итак, нам самим следует свершить правосудие и отомстить».

Возможно, благоразумные люди города и сумели бы утихомирить эту ярость, но были рыцари герцога Бургундского, которые увлекали мятежников и давали им дурные советы. Сир де Жаквиль, сменивший Пьера Дезессара в их доверии, и сир де Майи встали во главе всего этого народа. Бросились атаковать Бастилию; эта крепость была неприступна. Однако сир Дезессар, видя их ярость, не пожелал доводить дело до крайности; он показался в окне, повторяя, что вернулся только по приказу монсеньора герцога Аквитанского, чьи письма и печать он предъявляет. Он клялся, что не имеет никаких дурных намерений против города Парижа, что просит только позволить ему выйти и обещает никогда не возвращаться ко двору без согласия горожан. Шум был так велик, что его не могли слышать; напрасно он умолял их, сложив руки, выслушать его: они отвечали лишь криками уничтожения. Тут подъехал герцог Бургундский, который начал успокаивать народ, говоря, что он берет на себя сира Дезессара, сам будет его охранять и отвечает за него. Он крикнул ему, чтобы тот спустился; Дезессар повиновался; когда он оказался среди этой неистовой толпы, которую едва сдерживало присутствие герцога: «Монсеньор, — сказал он, — я пришел под вашу охрану; если вы не можете защитить меня от ярости этих людей, позвольте мне вернуться. — Не тревожься, друг мой, —

ответил герцог, — я тебя уверяю и клянусь тебе честью, что, если понадобится, я прикрою тебя своим телом». Он взял его за руку, сделал ему крест на тыльной стороне руки в знак клятвы, вывел из толпы и велел отвести в Лувр[32].

Мятежники тогда прибегли к еще более дерзкому насилию, и столь наглому, что, несомненно, оно было подсказано им важными лицами. Они с шумом направились к отелю герцога Аквитанского. Уже некоторое время народ был настроен против него недоброжелательно; с тех пор как им перестал управлять герцог Бургундский, о нем говорили, что это принц, ни о чем серьезном не думающий, занятый только тем, чтобы иметь великолепные одежды, собирать певцов и хористов, слушать звуки органов; распространяли слухи, что он предается невоздержанию и разврату, проводит ночи за столом[33]; наконец, говорили, что дурной образ жизни, который заставляют его вести его слуги, ввергнет его в ту же болезнь, что и его отца, и таким образом увековечит бедствия королевства. Как только в отеле герцога Аквитанского узнали, что чернь собирается осадить отель, ему предложили вооружиться вместе со всеми своими рыцарями и выстроиться перед дверью под королевским знаменем с лилиями. Пока совещались об этом, явились мясники, водрузили городское знамя и с неистовыми криками потребовали, чтобы им дали поговорить с дофином; его тесть, герцог Бургундский, был уже возле него, он посоветовал ему открыть окно и говорить с ними ласково.

«Дорогие мои друзья, — сказал он, — что с вами? Я не только выслушаю вас, но и сделаю то, что вы захотите».

Тогда хирург Жан де Труа взял слово: «Монсеньор, — сказал он, — вы видите перед собой ваших смиренных подданных, парижских горожан, с оружием в руках. Они хотят лишь показать вам этим, что не побоятся подвергнуть свою жизнь опасности ради вашей службы, как уже умели делать; всё их неудовольствие в том, что ваша королевская юность не блистает наравне с вашими предками и что вы отвращены от следования их стопам предателями, которые вас осаждают и управляют вами. Всякий знает, что они задались целью развратить ваши добрые нравы и ввергнуть вас в беспутство. Нам неизвестно, что наша добрая королева, ваша мать, этим весьма недовольна; сами принцы вашей крови опасаются, что, когда вы достигнете возраста правления, ваше дурное воспитание сделает вас к нему неспособным. Справедливое отвращение, которое мы питаем к людям, столь достойным наказания, заставляло нас довольно часто просить, чтобы их удалили от вашей службы. Мы решились сегодня отомстить за их измену и просим вас выдать их в наши руки».

Крики толпы засвидетельствовали, что оратор говорил согласно с ее чувствами. Дофин с достаточной твердостью ответил: «Господа добрые горожане, умоляю вас вернуться к вашим ремеслам и не выказывать столь яростной враждебности к служителям, которые ко мне привязаны. — Если вы знаете некоторых из них, — добавил канцлер Аквитании, — которые были неверны, назовите их, их накажут, как они заслуживают». Жан де Труа тогда вручил список; он включал около пятидесяти сеньоров и дворян; канцлер Аквитании сам был в начале списка. Эта чернь заставила его прочесть его вслух несколько раз.

Дофин, однако, возмущенный столькими оскорблениями и видя, что не сможет спасти своих служителей, бросил гневный взгляд на герцога Бургундского: «Тесть, — сказал он, — это делается мне по вашим советам, и вы не можете оправдаться, ибо главные зачинщики — люди из вашего отеля; но знайте, что когда-нибудь вы раскаетесь в этом, дело не всегда будет идти по-вашему». Герцог Бургундский ответил извиняющимся тоном: «Монсеньор, вы освесомитесь, когда ваш гнев остынет». Тогда дофин взял золотой крест, который носила его жена,

и заставил герцога Бургундского поклясться на нем, что тем, кого народ собирается схватить, не будет причинено никакого зла; затем он удалился в покои короля. Мятежники выломали двери, рассыпались по отелю и силой захватили герцога Барского, двоюродного брата короля, канцлера Аквитании, сира Жака де Ла Ривьера, мессира д'Анжанна, двух братьев Буассе, двух братьев Мениль. Их грубость дошла до того, что они вырвали сира де Витри у герцогини Аквитанской, которая пыталась его спасти.

Пленников отвели в Лувр, но не всех удалось уберечь от жестокости мясников. Магистр Бридуль, королевский секретарь, был брошен в реку. Богатый обойщик по имени Мартен был убит. Также погубили искусного механика по имени Ватле, который построил прекрасные военные машины для герцога Беррийского. Куртбот, музыкант герцога Аквитанского, постигла та же участь.

Никогда еще мясники не обладали такой властью в городе. Каждый день они входили к герцогу Аквитанскому и нагло втолковывали ему, что сделанное ими — для его чести и блага королевства. Затем ему с беспримерной вольностью повторяли суровые уроки относительно его поведения и беспутства.

Магистр Эсташ Павильи особенно отличился в этих оскорбительных выговорах. Он произнес длинную речь о пороках, соблазн которых могли подавать принцы Франции, и дошел до того, что сказал, будто болезнь короля и убийство герцога Орлеанского были небесной карой за беспорядочность их поведения. Он объявил дофину, что, если он не исправится, его право будет вынуждены передать его второму брату, как королева, говорили, им угрожала.

Его одновременно требовали ускорить преследование тех, кто был посажен в тюрьму; хотели, чтобы он обнародовал новые угрозы против арманьяков и всех, кто возьмется за оружие в их пользу[34]. Герцог Аквитанский был не в силах им в чем-либо отказать. Он выслушивал их с кротостью и терпением, каждый раз умоляя их иметь хоть какое-то уважение к его кузену герцогу Барскому и к верным слугам, которых они у него отняли.

В то же самое время гентцы отправили депутатов к своему герцогу, прося его отослать к ним своего сына графа Филиппа де Шароле, которого они уже очень любили. Парижане устроили этим гентцам большой праздник. Им дали великолепный обед в Ратуше.

В знак братства парижане и гентцы надели белые шапероны и поклялись взаимно помогать друг другу. Благоразумные люди опасались возрождения того всеобщего восстания народов, которое тридцать лет назад едва не вызвало странных переворотов; в самом деле, те, кто всем заправлял в Париже, не преминули отправить депутатов во все добрые города, побуждая их действовать сообща и водрузить белый шаперон[35].

Этот шаперон тотчас же стал опознавательным знаком партии. Мясники пошли преподнести его дофину, герцогу Бургундскому, герцогу Беррийскому и сеньорам совета, говоря им носить его в свидетельство своей любви к народу и доброму городу Парижу. Поначалу не всякий мог его получить. Тех, кого подозревали в арманьячестве, сначала не удостоивали этой милости[36]. Вскоре все в конце концов стали его носить. Эти мясники, которых тогда называли кабошьенами, были до того злобны и наглы, что однажды герцог Аквитанский, стоя у окна, уронил свой шаперон таким образом, что он случайно оказался на правом плече, как перевязь. Мясники принялись говорить: «Поглядите-ка на этого славного малыша дофина,

который из своего белого шаперона делает арманьякскую повязку. Он так допрыгается, что рассердит нас»[37].

Добрые люди трепетали перед ужасными бедствиями, которые готовило такое господство. Университет и добрые горожане были далеки от одобрения такого беспорядка. Они искали способов избавиться от бедствий, которые, как они видели, надвигались на них. Они отправили сира де Краона к герцогу Орлеанскому, чтобы заверить его в уважении города Парижа и попытаться уладить происшедшее. Университет, со своей стороны, предложил свое посредничество, чтобы умиротворить герцога Аквитанского. Также пытались получить дельные советы от генерального адвоката Жювеналья, который долго управлял Парижем и всегда выказывал столько любви к королю и королевству. Он согласился вступить в переговоры с кое-какими достаточно разумными бургундцами и даже с магистром Павильи, который был всецело за Легуа и Сент-Ионов. Не то чтобы генеральный адвокат имел большую надежду[38]. Совсем недавно он узнал, какие печальные ответы давали набожные и созерцательные особы, и особенно святые монахини, у которых иногда бывали видения; когда у них приходили спрашивать, чем кончится весь этот беспорядок. Одна видела три солнца, знак весьма зловещий; другая заметила небо, покрытое темными тучами над Парижем, и ясное со стороны Орлеана. Третьей приснилось, что король Англии стоит на башнях Нотр-Дам, а король Франции, окруженный траурной свитой, смиренно сидит на камне на паперти. Было основание опасаться, что все эти беды происходят от отлучения, которое Бонифаций VIII произнес против короля Филиппа Красивого и его рода. Вот что печально говорили себе честные люди, совещааясь между собой о средствах спасти королевство. Жювеналь был того мнения, что важнее всего прочего было бы, чтобы принцы разорвали всякий союз с англичанами. Говоря так, он, казалось, делал упрек как бургундцам, так и арманьякам. И те, и другие искали помощи врагов королевства; поэтому добрые люди не могли примкнуть ни к одной из двух партий.

Ничто не могло остановить бесчинства мясников. Каждый день случалось какое-нибудь новое насилие. Граф де Верту, не чувствуя себя более в безопасности, сумел бежать из Парижа под видом переодевания. Дофин тоже искал способов вырваться из своего плачевного положения. Он тайно писал герцогу Орлеанскому, герцогу Бретонскому, королю Сицилии, чтобы они пришли его освободить. Тем не менее его слабость допускала и поощряла беспорядок. Не было ничего, чего бы он не подписывал и не одобрял без сопротивления. Так, его заставили согласиться на заключение в тюрьму шестидесяти богатых горожан, которых жестоко обобрали. Он вернул своего прежнего канцлера; он отдал управление Парижем сир де Жаквилю; Шомон и Кабош, гнусные живодеи и подручные с бойни, были назначены комендантами Сен-Клу и Шарантона; они принесли присягу в его руки[39].

В это время король, который долго болел, вернулся к здоровью. 18 мая он отправился торжественной процессией благодарить Бога в Нотр-Дам. По пути купеческий прево и эшеваны почтительно предстали перед ним. Магистр Жан де Труа обратился к нему с речью и, предлагая ему белый шаперон, заклинал носить его как знак привязанности к своему доброму городу Парижу. Король легко на это согласился. С тех пор никто не мог уклониться от того же. Парламент, университет, духовенство больше не появлялись на публике иначе как с шапероном.

Два дня спустя магистр Павильи во главе депутации мятежников добился аудиенции у короля. Он произнес перед ним длинную речь, оправдывая всё, что было сделано за последнее время, и сравнил город Париж с мудрым садовником, который вырвал сорные травы, отравлявшие и душившие лилии. Канцлер Франции спросил его, от чьего имени он говорит; присутствовавшие купеческий прево и эшеваны подтвердили всё им сказанное; ибо самые чест-

ные люди города постоянно уступали страху, который внушали мятежники. В то же время толпа собралась вокруг отеля Сен-Поль. Ополчение было под ружьем под командованием сира де Жаквиля. Ежеминутно в отель входили новые горожане и присоединялись к депутации. Громкими криками требовали герцога Аквитанского. Принц, испуганный этой всевозрастающей яростью черни, согласился показаться. Герцог Бургундский, который, возможно, находил, что дела зашли слишком далеко, спустился и настоятельно умолял мятежников удалиться; он представил им, что король едва оправился; что этот шум вновь ввергнет его в умственное расстройство; ничто не могло их успокоить; они кричали, что пришли ради блага короля и королевства. Вскоре Жан де Труа предъявил список лиц, заключения которых требовали эти неистовые. Герцог Людовик Баварский был первым; до сих пор он, как и его сестра королева, был довольно угоден парижскому народу, но подозрения пали и на него. Утверждали, что он делает вид, будто он добрый слуга, но в глубине души он за арманьяков[40]. Боязнь, как бы не дали сбежать дофину, и мысль, что он вступил в тайную переписку с герцогом Орлеанским, — вот что подогревало всю эту чернь.

Герцог Бургундский, ничего не добившись от их ярости, поднялся к королеве и сказал ей, чего требуют. Она пришла в сильное волнение, позвала сына и велела ему вернуться с герцогом Бургундским и поговорить с этими людьми, чтобы умолить их пощадить ее брата. Герцог Аквитанский тогда расплакался и удалился в кабинет. Герцог Бургундский вернул ему немного мужества, и они спустились. Там они заклинали мятежников отказаться от своего требования или хотя бы дать брату королевы неделю сроку под честное слово. Он должен был на следующий день жениться на вдове графа де Мортаня; всё было готово к празднованию; он обещал явиться и сдать в тюрьму через неделю. Они были неумолимы и ответили, что пойдут и возьмут его в присутствии самого короля и королевы. Когда королева узнала о жестокости парижан, она хотела последовать за братом и разделить его заточение. Сам же он, не видя никакой возможности спастись, спустился, полный печали и горечи, отдался им, прося ограничиться его заключением и помиловать остальных. «Если я виновен, — сказал он, — накажите меня без милосердия, если же нет, освободите меня поскорее, чтобы я мог вернуться в Баварию и никогда больше не возвращаться во Францию».

Затем Жаквиль поднялся в отель с пятнадцатью вооруженными людьми и грубо, без всякого уважения к королеве, королю, монсеньору Аквитанскому, проникая повсюду, взламывая двери, захватил всех, кого требовал народ. В довершение варварства в этом списке значилось тринадцать дам из самых значительных, из отеля королевы и герцогини Аквитанской. Их грубо увели, посадили по двое на лошадей и отвезли в Лувр. Среди прочих пленников были архиепископ Буржский, прелат величайших заслуг и духовник королевы; и, что показывает безумие этого народа, сир д'Оллеэн, которого за восемь дней до того заставили дофина снова взять канцлером, также был отправлен в тюрьму. Взяли также оруженосца герцога Орлеанского, который накануне привез письма от своего господина. Впрочем, вскоре его освободили, равно как и сира д'Оллеэна[41].

Между тем богатые и разумные горожане, университет, Парламент все более стонали от этой тирании и отказывались иметь какое-либо отношение ко всем действиям мятежников. Королевский совет проявлял меньше твердости. Король официально одобрил и признал благоугодным всё, что было сделано; его грамоты называли верными и ревностными служителями тех, кто арестовал в его отеле принцев его крови, и воздавали им публичные похвалы. Они оправдывали эти насилия, говоря, что заключенные в тюрьму лица подозревались в махинациях, заговоре и преступлениях. Эти грамоты были выданы без всяких возражений после

совещания совета, в котором участвовали принцы и все сеньоры, еще остававшиеся при них. Однако нашелся только один королевский секретарь, пожелавший их оформить[42].

Через два дня король и принцы явились, облаченные в белые шапероны, в Парламент, чтобы зарегистрировать там ордонансы об экономии и реформе, которые были составлены по требованию Штатов и университета. Они были хороши и разумны. Опытные и рассудительные люди составили их во время всех этих смут; желательно было бы, чтобы они неукоснительно соблюдались. В то же время зарегистрировали другой ордонанс, возобновивший запрет на вооружение в пользу принцев. В самом деле, герцог Орлеанский и его сторонники, взволнованные всем происходящим в Париже, снова начинали собирать войска[43]. На этот раз он действовал с тайного одобрения короля и герцога Аквитанского, который обратился к герцогу Бретонскому и к нему, чтобы быть освобожденным от парижских мятежников. Они придавали всему своему поведению видимость уважения и покорности и требовали лишь исполнения Осерского мира. Так что добрые люди дошли до того, что перестали их осуждать. Были даже слуги герцога Бургундского, такие как сир де Круа, де Рубе, де Шатийон и де ла Вьевиль, которые удалились, возмущенные тем, что вынуждены были видеть в Париже.

Мясники, чувствуя себя покинутыми всеми честными людьми, тем более предавались всяческому излишествам. Герцог Бургундский передал пленников двенадцати комиссарам, назначенным для их суда. Пока велось это незаконное разбирательство против сира Жака де Ла Ривьера, сир де Жаквиль однажды вошел в его тюрьму. Он начал с грубых слов в адрес пленника. Сир де Ла Ривьер был одним из самых учтивых, любезных и ученых сеньоров всего двора[44]; он хорошо понимал, что опасно ввязываться в ссору с таким человеком, и старался отвечать ему как можно мягче. Но когда тот дошел до того, что назвал его предателем и вероломным, чувствуя, что задета его честь, он возразил Жаквилю, что тот злостно солгал, и если бы королю было угодно, он бы с ним сразился. Тогда этот предводитель мясников схватил свой боевой топор, ударил Ла Ривьера по голове и мертвым поверг его к своим ногам. На следующий день труп положили на телегу вместе с сиром де Менилем, которого комиссары только что приговорили. Живой и мертвый были доставлены на эшафот и обезглавлены. В простонародье распространился слух, что сир де Ла Ривьер убил себя сам, ударившись головой об оловянный горшок. Все, кроме черни, хорошо знали, что Жаквиль убил человека, находившегося под защитой Правосудия.

Несколько дней спустя король снова впал в свою болезнь, и, так как его слабая воля более не защищала его старого служителя канцлера, к которому он был привязан, мятежники добились его отставки. Принцы, чтобы смягчить немилость к этому почтенному человеку, отдали печати его зятю, Эташу де Летру[45].

Довершая бедствия королевства, англичане беспрепятственно вступали в Гиень. Сир д'Альбре и не думал с ними сражаться; граф д'Арманьяк покровительствовал им еще более открыто и носил их красный крест на своей котте. Вскоре сир де Элли, маршал Гиени, прибыл в Париж, говоря, что у него нет никаких средств для продолжения войны, но если ему дадут денег, он постарается собрать армию для защиты границы. Дело было срочное, и решили воспользоваться грубой властью мясников, чтобы скорее собрать хоть какие-то средства. Были назначены комиссары для обложения налогом каждого по его возможностям; Легуа, Кабош, де Труа и Шомон были назначены сборщиками. Они действительно произвели сбор с обычной для них жестокостью, никого не щадя, отправляя в тюрьму тех, кто не платил немедленно, будь то клирики, королевские чиновники или другие. Генеральный адвокат Жювеналь, которого все уважали, возражавший против своего налога в две тысячи экю, был доставлен в Шатле.

Почтенный Жан Жерсон, канцлер Нотр-Дама, гордость университета, отказавшись платить и мягко заметив, что способ, каким это делается, не почетен и не сообразуется с законом Божиим, они хотели схватить его; он спрятался в подземельях Нотр-Дама, а они разграбили его дом.

Этот налог вызвал еще большее отвращение у буржуазии к мясникам. Мало-помалу, чувствуя себя доведенной до крайности, она воспрянула духом и начала громче выражать свои чувства. Но те отвечали: «Отчего же тогда некоторые из вас всегда одобряли то, что мы делали?» Горожане тогда извинялись властью короля, который также уступил насилию. «Впрочем, — говорили они, — могли ли мы думать, что вы дойдете до таких крайностей?»[46]

Одним из дел, которые их больше всего занимали, было ускорить осуждение сира Дезесара. Они всё еще боялись его в тюрьме. Зная его искусным и жестоким, они хотели обезопасить себя от превратностей судьбы, которые могли бы вернуть его к принцам. У него было много врагов и завистников, и он сделал всё, чтобы их заслужить; так что общественное мнение плохо его защищало от комиссаров, назначенных судить его. Поэтому он был осужден, и 1 июля его повезли на казнь на плетеной решетке, предварительно обрив ему волосы. На нем была черная оупеланд, подбитая куницей, и деревянный крест в руке. Твердость не покидала его ни на мгновение; у него был веселый вид, и он уверенным взглядом окидывал все приготовления к своей смерти. Видя его таким спокойным и веселым, многие воображали, что он надеется быть освобожденным этим народом, который так сильно его любил. Однако никто об этом и не думал, хотя все присутствующие обливались горячими слезами. Прибыв на эшафот, он не просил иной милости, кроме как не слушать чтения своего приговора, в котором были нагромождены всевозможные преступления. Это ему было дозволено; он встал на колени, поцеловал маленький серебряный образок, который подал ему палач, и мужественно подставил голову. Тело его было повешено на той же виселице, где три года назад он велел привязать тело сира де Монтегю.

Дерзость сира де Жаквиля все возрастала. Однажды вечером, когда он делал обход с дозором вокруг отеля Сен-Поль, он услышал музыку с бала у герцога Аквитанского; он поднялся, смело вошел в комнату и начал сурово выговаривать принцу за его распутную жизнь, недостойную его сана. Сир Жорж де ла Тремуи вышел вперед, чтобы ответить на эту оскорбительную речь. Жаквиль упрекнул его в том, что он виновник всех этих беспорядков. Завязалась ссора; оба рыцаря обменялись взаимными обвинениями во лжи. Терпение дофина лопнуло; он бросился на сира де Жаквиля и нанес ему три удара кинжалом, которые задержала его кольчуга. Дозор, услышав шум, проник в залу; сир де ла Тремуи был бы убит, если бы герцог Бургундский ценой невероятных мольб не испросил ему пощады. Герцог Аквитанский был так потрясен этой ужасной сценой, что у него пошла горлом кровь. Он не находил никакого способа вырваться из рабства; но добрые парижские горожане страдали, видя его подвергающимся таким оскорблениям, и тайно уверяли его в своей привязанности[47].

Между тем принцы Орлеанские собрали своих людей и приближались к Парижу. Уже Луи де Боссредон и Клинье де Брабант вели боевые действия в Гатине; мясники забеспокоились, а благоразумные люди обрели надежду. Народ начинал уставать от всего этого порядка вещей. Торговля прекратилась, бедных ремесленников беспрестанно отрывали от работы, заставляя нести дозор и охранять город. В то же время знали, что требования принцев весьма разумны: они хотели лишь исполнения Осерского мира, условия которого по отношению к ним не соблюдались, и они жаловались гораздо больше на насилия и оскорбления, учиненные против короля и герцога Аквитанского, чем на обиды, нанесенные им самим; король Сицилии был с ними в союзе[48]. Даже граф д'Э, который всего несколько дней назад выдал свою сестру

замуж за графа Неверского, брата герцога Бургундского, тотчас после этого отправился присоединиться к принцам. Они дошли до Вернёя, в двадцати пяти лье от Парижа. Оттуда они послали уполномоченных заявить о своих добрых намерениях. Королевский совет постановил начать переговоры для сохранения мира и чтобы каждый принц послал своего уполномоченного вместе с королевскими послами. Выбрали людей мудрых, искусных и способных уладить трудности[49].

В момент их возвращения к королю вернулся разум, что сочли еще одним счастливым обстоятельством. Ему доложили о положении дел и о добрых намерениях принцев, находившихся в Вернёе. Они оказали послам хороший прием, проявили искреннее желание мира и даже не требовали въезда в Париж.

Необходимо было вести дело с величайшей осторожностью; дофин и королевский совет нуждались в поддержке, чтобы прийти к благополучному завершению. Начали с того, что отправили отчет послов в Парламент и в Ратушу, дабы узнать мнение этих двух корпораций; при этом позаботились не упоминать в нем жалоб принцев на все оскорбления, нанесенные королю, его семье и его власти. Парламент не колебался и тотчас посоветовал королю отправить герцогов Беррийского и Бургундского для переговоров с принцами другой партии.

Послы сами отправились в Ратушу, и буржуазия, казалось, была так хорошо расположена, что можно было надеяться на благоприятное мнение. В самом деле, новость была встречена как дар Провидения; почти единогласно готовы были одобрить предложение, как вдруг сир де Жаквиль вошел в большой зал с Шомоном, Кабошем и сотней им подобных, вооруженных с ног до головы: «Мы не желаем этого предательского мира», — закричали они.

Затем Симон Кабош, заставив всех замолчать, взял слово и, обратившись к послам с диким и угрожающим видом: «Как! — воскликнул он. — Вы до сих пор одобряли всё, что делал король, а теперь советуете мир с предателями, которые хотели свергнуть его с трона два года назад! Если бы они были искренни, позволили бы они Луи де Боссредону и Клинье де Брабанту удерживать замки в Гатине и опустошать всю округу? Они предлагают свои личности и имущество на службу королю, они просят только засвидетельствовать ему свое почтение и не желают, чтобы это было в Париже! Что это значит, как не то, что они ненавидят этот добрый город и ищут способ застигнуть его врасплох? Это уловка, к которой они прибегли, чтобы достичь своих целей и удовлетворить свои страсти; они хотят отомстить за оскорбления, которые мы нанесли им в лице их слуг и подданных, коих мы справедливо заключили в тюрьму, лишили имущества или предали казни. Неужели вы будете столь просты, чтобы попасться в ловушку? Знайте, что как только они захватят с собой короля, королеву и монсеньора герцога Гьеннского, они отнимут у вас оружие, цепи с ваших улиц; они уничтожат ваши привилегии, снова подчинят вас игу своих поборов и снова обогатятся за счет вашего имущества. Да, — добавил он в заключение, — если здесь найдется кто-либо, какого бы звания он ни был, настолько дерзкий, чтобы согласиться на этот мир, клянусь кровью Господа нашего Иисуса Христа, с ним поступят как с врагом благородного города Парижа»[50].

Угрозы этого несчастного, который осмелился появиться в собрании, покрытый блестящими рыцарскими доспехами, всех испугали. Разошлись, ничего не решив. На следующий же день они распространили список главных парижских горожан, которых намеревались перебить при первом же шуме. Они заставили королевский совет выдать грамоты, предписывавшие верным горожанам Парижа и добрых городов не поддаваться на уговоры распространителей ложных новостей. «Что бы вам ни говорили, верьте, — гласили эти грамоты, — что мы счи-

таем наших мятежных родственников предателями и опасными врагами королевства. Мы во всем одобряем нынешнее правление; наш сын, герцог Аквитанский, не подвергается никакой опасности, не испытывает никакого беспокойства и находится в такой же безопасности, как в лоне матери». Уже были посланы комиссары в провинции и города с приказом быть готовыми прийти на помощь королю. Особенно один рыцарь, камергер герцога Аквитанского по имени сир де Морей, разъезжал по Пикардии, проповедуя крестовый поход против принцев и возбуждая против них дворян и горожан тысячью клевет. В то же время сир де Жаквиль только что вышел из города во главе отряда ополчения, чтобы идти сражаться с Луи де Боссредоном. Подобно этим комиссарам, он тотчас же отправил в Париж преувеличенные и ложные известия об опустошениях, производимых арманиями в сельской местности. Распускали слухи, что принцы хотят уничтожить город, истребить главных горожан и отдать их жен слугам.

Несмотря на все эти усилия, власть мясников над городом Парижем день ото дня слабела; семнадцать квартальных, управлявших пятью кварталами города, проводили тайные собрания; они приглашали на них пятидесятников и десятников; почти все были за мир и осведомляли об этом дофина и королевский совет. Комиссары, назначенные судить пленников, не осмеливались больше выносить приговоры. Они освободили дам королевы; они охотно освободили бы также герцогов Барского и Баварского, если бы не угрозы Жана де Труа.

Человеком, который лучше всех работал над разрушением власти мясников, был генеральный адвокат Жювеналь[51]. Он был большим врагом беспорядка и, кроме того, имел справедливые причины для злопамятства против их тирании. Однако, сколь бы отважен и тверд он ни был, он еще не осмеливался выступить открыто. Все эти мысли день и ночь роились у него в голове, не давая ни покоя, ни сна. Наконец, однажды ночью, заснув под утро, ему почудилось, что какой-то голос говорит ему: *Surgite cum sederitis, qui manducatis panem doloris*[52]. Его жена, добрая и набожная дама, когда он проснулся, сказала ему: «Друг мой, я слышала сегодня утром, как вам говорили, или вы произносили во сне, слова, которые я часто читала в моем часослове», и она повторила их ему. Добрый Жювеналь ответил ей: «Милая моя, у нас одиннадцать детей, и, следовательно, есть великая причина молить Бога даровать нам мир; будем надеяться на Него, Он нам поможет». Это счастливое предзнаменование придало ему мужества. Он виделся почти ежедневно с герцогом Беррийским. Так как его отель де Нель был разрушен, он иногда останавливался в клуатра Нотр-Дама, у своего врача магистра Аллегре, и любил приглашать туда Жювеналья и нескольких честных горожан, чтобы вместе обсуждать текущие дела. «Ну что, Жювеналь, — часто говорил старый принц, — это будет длиться вечно? Останемся ли мы под властью и господством этих дурных людей? — Монсеньор, — отвечал тот, — будем надеяться на Бога, вскоре мы увидим их посрамленными и уничтоженными».

В тот же вечер он встретил у герцога Этьена д'Антенна и Жерве Мериля, двух храбрых суконщиков, которые были квартальными; они рассказывали, как в буржуазии и даже среди простого народа недовольны кабошьенами; они много рассуждали об этом и поняли, что ничего нельзя сделать, пока не удастся возмутить народ против этих людей. Ободряя друг друга, они пообещали герцогу рискнуть своей личностью и имуществом, чтобы сломить власть мясников и их сторонников.

Королевский совет, ободренный таким хорошим настроением, дал ход мирным предложениям. Герцог Беррийский и герцог Бургундский отправились в Понтуаз, где должны были быть согласованы условия. Они взяли с собой королевских советников и восемь главных горожан города. В Париже и Сен-Дени были устроены самые набожные процессии, чтобы испросить успеха их посольству[53].

Другие принцы дошли до Вернона и прислали своих депутатов: это были люди, почти все исполненные достоинств и знаний; но лучше всех говорил магистр Гийом Сенье, депутат короля Сицилии: он произнес речь, которую все нашли великолепной, исполненной прекрасных и хорошо выдержанных сравнений, обогащенной множеством священных и светских цитат; он много настаивал на всевозможных оскорблениях, которые мятежники заставили претерпеть королевский дом, на обиде, нанесенной дамам королевы, на заключении в тюрьму герцогов Барского и Баварского. «Говорят также, — добавил он, — и принцы крайне этим опечалены, что старший сын короля, наследник престола, содержится ими в столь жалком состоянии, что лишен всякой свободы, как активной, так и пассивной: активной, в том смысле, что он не может выйти из своего дома или, по крайней мере, покинуть город; пассивной, в том смысле, что никто, какого бы звания ни был, будь он даже его крови, не осмеливается уже долгое время ни говорить, ни общаться с ним, кроме тех, кто его сторожит; это весьма тягостно для него, а также для наших сеньоров, которые, таким образом, лишены возможности видеть и общаться со своим верховным сеньором на земле, как если бы после этой смертной жизни они были лишены лицезрения Бога».

Он также жаловался на клеветнические послания, адресованные добрым городам королевства, против поведения герцога Аквитанского. «Ибо, — говорил он, — только особы королевской крови должны были бы осведомляться о том, как ведет себя столь великий сеньор, и делать ему замечания; правда это или ложь, не городам в это вмешиваться». Другой жалобой были приказы, адресованные баронам, рыцарям, оруженосцам и вассалам, запрещавшие им выступать по приказу своих сеньоров и предписывавшие им оставаться в своих домах, пока коннетабль или сеньоры из совета не призовут их. «Это было очень серьезным делом — попытаться лишить их вассалов, которые должны служить только в обществе своих сеньоров, когда король нуждается в их услугах». Принцы требовали, чтобы эти беспорядки прекратили, следуя правилам доброго правосудия; они, однако, желали, чтобы это правосудие было совершенно отеческим; они заявляли, в особенности, что, согласно обычаю благородного дома Франции, столь привыкшего к мягкости и состраданию, они желают, чтобы не сохранялось ни злопамятства, ни недоброжелательства к тем из города Парижа, которые могли бы оказаться виновными. Так они умоляли короля, королеву и монсеньора Аквитанского, чтобы с обеих сторон была дарована амнистия. Если они желали видеть королевскую семью в полной свободе и независимости, в каком-либо городе королевства, например, Руане, Шартре, Мелене или Монтаржи, это было не из недоброжелательства к Парижу, а для того, чтобы избежать всякого повода к волнениям между жителями города и их слугами. Впрочем, они предлагали принять любые меры предосторожности для порядка в этом месте встречи.

Статьи были составлены в том же духе уступчивости и согласия. Они устроили всех, кроме герцога Бургундского; он выдвинул такие трудности, что на мгновение подумали, что всё сорвалось. Герцог Беррийский непременно хотел, чтобы депутаты тотчас же приехали в Париж представить этот проект договора королю. Герцог Бургундский решительно отказался, и договорились, что они будут ждать новых распоряжений в замке Бомон, у графа д'Э. Во вторник, 1 августа, статьи были зачитаны в совете перед королем и герцогом Аквитанским. Когда собирались их обсуждать, Жан де Труа, Кабош, Сент-Ионы и Легуа с шумом вошли и потребовали показать им условия мира. Канцлер ответил, что король желает мира, но что прежде чем заключить его, он хочет узнать мнение своего доброго города Парижа, Парламента[54], Счетной палаты, капитула и университета; таким образом, они узнают статьи.

На следующий день в Ратуше было большое собрание; множество храбрых людей пришли туда, чтобы дать отпор мясникам. Прочли статьи; некий адвокат по имени Жан Рапье, храбрый человек, очень хорошо говоривший, громко разъяснил все преимущества мира и сказал, что купеческий прево и эшеваны также его желают; в самом деле, один из них, Робер дю Беллуа, встал и, ярко обрисовав бедствия времени и еще более ужасные бедствия, угрожавшие королевству, сказал, что надо спешить с принятием мира; постепенно воодушевляясь, он дошел до того, что назвал дурными и предателями тех, кто будет ему противиться[55].

Жан де Труа тотчас ответил ему обвинением во лжи и сказал, что если и заключать мир с арманьяками, то, по крайней мере, нужно показать им, что их милуют, и что соглашаются забыть их измены и дурные намерения. На этом он собрался было прочесть статьи, копию которых имел. Момент был опасный; один горожанин тотчас заметил, что раз дело столь великое и важное, нужно сначала пойти в квартальные собрания, чтобы там прочесть статьи и обсудить их. Этого-то и боялись мясники; едва эти слова были сказаны, как почти во всем зале закричали: «Да, да, по кварталам!» Один из Сент-Ионов, который был там во всеоружии, хотел высказать голос, чтобы сказать, что дело слишком неотложно, но всё кричали: «По кварталам, по кварталам!» Анри де Труа, сын Жана, пришел тогда в такую ярость, что трижды повторил: «Есть здесь те, у кого слишком много крови; надо ее у них спустить, мы пустим в ход ножи». Легуа тоже встали и разразились угрозами. Гийом Сирасс, плотник, который был квартальным на кладбище Сен-Жан, не испугался и сказал им, что раз большинство хочет, чтобы обсудили по кварталам, то так и должно быть сделано. «Статьи прочтут здесь, вопреки вам и вашим», — твердили Легуа. «Что ж, — ответил плотник, — посмотрим, в Париже столько ли дровосеков, сколько мясников». Мясники вынуждены были просить перенести собрание на субботу, что дало бы им день на подготовку какого-нибудь ужасного бесчинства.

На следующий день квартальные собрали горожан. Квартал Сите был одним из самых важных. Собрание там проводил Жан де Труа, который был консьержем Дворца. Это был очень искусный человек, умевший поворачивать умы по своему желанию. К счастью, Ансенн, Мериль и Жювеналь были из этого квартала. Жан де Труа предложил, как и накануне, включить в договор все преступления, которые он вменял принцам, и зачитал то, что он написал с этой мыслью. «Что вам кажется, — сказал он магистру Жювеналю, — не следовало бы показать это королю и его совету? — Король желает, — возразил генеральный адвокат, — чтобы всё сказанное или сделанное в прошлое время было уничтожено с обеих сторон и чтобы ничто не могло о том напоминать. Содержащееся в вашей записке мятежно и составлено, чтобы помешать миру, которого желает народ. — Да, да, — закричали тотчас со всех сторон.... Мир...! мир! пусть он разорвет эту записку». Тотчас же ее вырвали из рук Жана де Труа, и она была разорвана в клочья. Вскоре весть об этом разнеслась по городу, и другие квартальные собрания были того же мнения, кроме кварталов Ле-Аль и отеля Артуа, где был расквартирован герцог Бургундский.

В тот же день Жювеналь и главные горожане Сите отправились в отель Сен-Поль рассказать королю, как только что произошли события. Герцог Бургундский присутствовал: «Жювеналь, Жювеналь, — сказал он, — не так следовало обсуждать, слышите? — Монсеньор, без этого мы никогда не добились бы мира. Мясники остались бы хозяевами. Я говорил вам об этом в другие разы, и вы не захотели меня слушать».

Оттуда они пошли к дофину, который стоял в амбразуре окна, где с ним фамильярно расположился один из Легуа. Ему повторили то, что только что было сказано королю; дофин с твердостью заверил, что желает мира, и что это будет видно. Уже имели слабость согласиться на отсрочку в один день, которой требовали мясники[56]; эта отсрочка была бы губительна.

Дофина попросили воспользоваться благоприятными обстоятельствами и всё ускорить. Жювеналь также посоветовал ему немедленно овладеть Бастилией. Герцог Бургундский не посмел отказать в ключах от нее, когда их у него потребовали; и мессир д'Анжанны, которого комиссары выпустили из тюрьмы за три дня до того, был назначен ее губернатором.

На следующее утро герцог Беррийский послал за генеральным адвокатом. «Ну что ж! — сказал он ему, — что всё это значит? Что мы будем делать? — Монсеньор, переправьтесь через реку, отправляйтесь в отель Сен-Поль и велите подвести туда ваших лошадей. Пусть монсеньор Аквитанский также будет готов сесть на коня, чтобы ехать освобождать мессиров Баварского и Барского. Не беспокойтесь; я имею добрую надежду на Бога; всё будет хорошо; завтра вы будете спокойным капитаном города Парижа».

Около десяти часов Парламент[57], Счетная палата, капитул, город пришли в отель Сен-Поль представить королю свои решения, все благоприятные миру. Король был у одного из окон во дворе, герцог Аквитанский у другого, герцог Беррийский у третьего. Они слушали оттуда речи каждого из корпораций и прекрасную речь университета, имевшую текстом: *Rogate quae ad pacem*[58]. Магистр Урсен де Таренвед, доктор теологии, бывший оратором, закончил требованием немедленно освободить герцога Барского и других пленников. Вскоре во двор вошла огромная толпа вооруженных горожан, верхом и пешим. Все кричали: «Мира! мира!» Они пришли из Сен-Жермен-л'Осеруа; это был один из лучших кварталов города, и все горожане, друзья мира, договорились там встретиться, чтобы оттуда отправиться за герцогом Аквитанским. В течение всей ночи народ, взволнованный этой вестью о мире, бегал по улицам, испуская крики ликования и зажигая костры радости.

В это время мясники предприняли последнюю попытку; они собрали своих людей, числом около двенадцати сотен, на Гревской площади; они начали говорить против мира; но их не могли слушать. Даже простой народ не хотел слышать ни о чем, кроме мира. Один голос возвысился, крикнув: «Кто его желает, переходите направо, а кто не желает — налево». Никто не остался слева; ибо как противоречить такой воле народа? Эти люди, которые накануне могли взволновать весь город по своему желанию, теперь не находили ни одного сторонника[59]. Тут подъехал герцог Бургундский; он хотел помешать толпе горожан из Сен-Жермен-л'Осеруа прийти в отель Сен-Поль. Он умолял их оставаться спокойными, вернуться по домам: он обещал добиться для них всего, чего они пожелают; но они уже были в пути, двигаясь по городским улицам и по улице Сент-Антуан[60]. Они не захотели идти вдоль реки, чтобы не встретиться с собранием на Гревской площади. Всё, что герцог Бургундский мог им сказать, нисколько их не тронуло; они неизменно отвечали: «У нас приказ короля»[61].

Дела пошли для него не лучше и на Гревской площади; он пробыл там лишь мгновение и отправился в отель Сен-Поль, чтобы сопровождать дофина, который вместе с горожанами направился в Лувр освобождать пленников. Кorteж прошел по улице Сент-Антуан, потому что перед Ратушей еще была толпа. Однако она вскоре рассеялась, и большинство мясников даже присоединилось к свите герцога Аквитанского, который только что открыл двери Лувра своему дяде, герцогу Баварскому, и герцогу Барскому. Мало-помалу горожане воодушевились против тех, кто еще несколько мгновений назад заставлял их трепетать. Некто по имени Жерве Дени хотел броситься с обнаженным мечом на Жана де Труа, крича: «Негодяй, наконец-то я тебя держу!» Главари фракции увидели уготованную им участь и поспешно бежали из города. Сам герцог Бургундский не был спокоен; он послал спросить у Жювенала, в безопасности ли он. Ему ответили, чтобы он шел с полной уверенностью и что горожане скорее погибнут, чем допустят малейшее покушение на него.

На обратном пути из Лувра герцог Аквитанский остановился в Ратуше. Генеральный адвокат взял тогда слово; он рассказал о бедствиях города и о тирании, от которой тот только что был избавлен[62]. Затем сменили должностных лиц коммуны; купеческий прево, человек почтенный и мудрый, был сохранен; но сменили двух эшевенгов, Жана де Труа и де Беллуа, которых заменили Сирасс и Мериль. Сир Таннеги Дюшатель стал парижским прево; герцог Беррийский вновь принял должность капитана города; герцог Аквитанский объявил себя губернатором Бастилии и назначил герцога Баварского своим лейтенантом; герцог Барский стал капитаном Лувра. Весь день прошел так радостно, без всякого беспорядка. На следующий день герцог Беррийский объехал город верхом со своей свитой, и все говорили, что это выглядит куда лучше, чем Жаквиль и кабошьены. Принцы также отправились с большой пышностью в университет, и герцог Аквитанский через своего канцлера велел торжественно поблагодарить эту славную дочь королей за ее прекрасное поведение и мудрость.

Между тем перемены продолжались. Эташ де Летр лишился должности канцлера и покинул Париж. Ему ставили в вину, что он составлял и оформлял все акты совета, которые принцы уступили мятежникам; королевский совет собрался, чтобы заменить его путем свободного избрания, и большинство голосов пало на Анри де Мари, первого президента парламента. Магистр Робер Може заменил его, также путем избрания, произведенного в парламенте. Генеральный адвокат Жювеналь был назначен канцлером герцога Аквитанского, а сир д'Оллеэн отправлен в отставку[63]. Наконец, изо дня в день разрушали то, что было сделано; отстраняли от должностей людей заметных и уважаемых, не давая иного основания, кроме того, что прежде вместо них были отстранены другие.

Таким образом, ненависть только росла, и надежда, возлагавшаяся на этот мир, быстро угасала. Герцог Аквитанский испытывал желание наказать за оскорбления, которые он претерпел; не было недостатка в людях, дававших ему такой совет. Те, кто боялся, что им поставят в вину прошлое, сеньоры или горожане, бежали из города и спасались в Бургундии или Фландрии, чтобы их не привлекли к ответу. Сначала схватили нескольких негодяев, совершивших жестокости. Двух мясников по прозвищу Кайе, которые бросили в воду магистра Бридуля, королевского секретаря; горожанина, убившего Куртбота, этого любимого музыканта герцога Аквитанского; Жана де Труа, кузена хирурга, виновного в нескольких преступлениях, приговорили к смерти и казнили при всеобщем одобрении. Но мало-помалу чернь распалялась, требовала других казней, начинала предаваться беспорядкам и грабить дома беглецов[64]. Король запретил эти самоуправства, и приступили к более регулярному осмотру их жилищ. У одного из них нашли список примерно тысячи четырехсот лиц из числа придворных и горожан. Каждое имя было помечено буквой Т, Б или Р, что означало, как говорили: Убиты, Изгнаны или Ограблены.

При таком настроении умов неделя не прошла без того, чтобы злопамятство не поднялось выше. Начали открыто говорить о герцоге Бургундском. Пришли арестовать, прямо в его отеле, Робера де Майи, Шарля де Ланса и сира де ла Вьевиля. Первому удалось бежать, а третий обязан своим освобождением лишь настояниям герцогини Аквитанской. Герцог Иоанн был не без тревоги и за себя самого. Его больше не приглашали в совет; ему не оказывали более никакого уважения. Вскоре вокруг его отеля выставили дозор. Он понял, что нужно удалиться. Это могло быть трудно; большинство его слуг и рыцарей уже удалились. Он написал жене в Бургундию, чтобы она прислала ему под Париж несколько воинов для содействия его отступлению. Уже слух о том, что он только что заключен в тюрьму, распространился повсюду и поверг герцогиню в сильнейшее беспокойство[65]. Наконец, 23 августа, ничего не говоря

людям своего дома, он отправился в Венсенский лес, куда накануне переехал ночевать король, и уговорил его приехать в лес поохотиться с птицей. В Париже заподозрили, что он хочет похитить короля. Жювеналь тотчас отправился предупредить герцога Баварского. С многочисленным отрядом вооруженных горожан верхом они поскакали в Венсен, позаботившись охранять Шарантонский мост[66]. Жювеналь, как только встретил короля, сказал ему: «Сир, поедемте-ка в Париж, на дворе слишком жарко, чтобы быть вне дома». Король, казалось, был того же мнения и направился обратно в город. Герцог Бургундский рассердился и сказал, что король ехал на охоту: «Вы завели бы его слишком далеко, — возразил Жювеналь; — ваши люди в дорожных сапогах, и с вами ваши трубачи». Тогда герцог, кратко попрощавшись с королем, сказал ему, что дела призывают его во Фландрию, и уехал как можно скорее, пересекая Бондийский лес; сир де Сен-Жорж и Ангерран де Бёрнонвиль сопровождали его с небольшим числом слуг. Остальных он оставлял в своем отеле Артуа в большой опасности из-за того, что могло с ними случиться[67].

Так он покинул Париж беглецом, потеряв плоды всего, что сделал, оказавшись в том же положении, что и в начале своих войн, и сильно упав во мнении своих сторонников во Франции[68]. Однако он не стал от этого более унылым или менее упрямым в своих замыслах.

Благоразумные люди из совета и города очень огорчились этим отъездом. Они надеялись на мир; теперь он был как никогда далек. Совсем напротив, многие из простонародья говорили, что герцог Баварский поступил малодушно: раз герцог Бургундский хотел, чтобы ему отрубили голову, он должен был воспользоваться случаем и убить его; даже если бы после этого пришлось бежать в Германию[69]; так всё было бы кончено.

Отъезд герцога Бургундского побудил принцев войти в Париж, отступая тем самым от Понтуазского договора, где было условлено, что они увидят короля в другом городе. Но они были призваны советом. Их въезд был торжественным. Герцог Беррийский выехал к ним навстречу до ворот Сен-Жак со всеми городскими корпорациями. Они поклялись, что ни они, ни их люди ни в чем не обидят горожан; затем проследовали по улицам до отеля Сен-Поль, под народные приветствия и разбрасывая деньги через герольдов, которые, по обычаю, кричали: «Щедроты! щедроты!»

Через два дня король в Зеленой зале дворца заставил их поклясться на Животворящем Кресте в мире, любви и единении с герцогом Бургундским и со всеми другими принцами королевской крови. Они вернулись в совет, и с тех пор ничего не делалось иначе как по их воле. В Парламенте была проведена королевская курия, где король аннулировал все акты, направленные против герцога Орлеанского и его приверженцев, объявив, что он и герцог Аквитанский подписали их силой и угрозами и что всё содержащееся в них против принцев ложно и клеветнично. Не ограничились исправлением того, что касалось их. Король отменил, аннулировал, упразднил и отозвал также ордонансы о реформе, которые содержали справедливые и спасительные вещи и которым рукоплескали все добрые люди[70]. Было сказано, что «некоторые писания, которые в виде ордонансов были недавно составлены комиссарами, как рыцарями, так и другими, духовником и милостынодателем короля, двумя советниками Парламента, по настоянию университета и города Парижа, и которые, под сильным принуждением со стороны людей с оружием этого города и иначе, были прочитаны и обнародованы в означенной палате, король также заседаая в своей королевской курии, уничтожаются. Сие — ввиду того, что канцлер предложил их, не соблюдая форм и без необходимых полномочий, без того, чтобы они были предварительно прочитаны королю, без того, чтобы он заручился мнением своего совета, без того, чтобы Парламент также дал свое заключение. Ввиду также того, что они были обна-

родованы поспешно и внезапно и до того хранились закрытыми и запечатанными; принимая также во внимание пункт, который комиссары включили, чтобы оставить за собой возможность еще дать по ним заключение; и наконец, потому что авторитет короля был этим ущемлен, уменьшен и ограничен, равно как и управление его отелем, отелем королевы и герцога Аквитанского». Никто в совете не возвысил голоса в защиту этих ордонансов, которые находили столь прекрасными. Там было много советников, которые, чтобы сохранить свои должности, всегда были согласны с сильнейшим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.